P. o. russ. 88 W
916402

4057 n/41

390 992

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ.

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ,

ИЗЪ

ЛУЧШИХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ,

СТИХАМИ.

Графа Дмитрія Хвостова.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ Типографіи Іос. Іоаннесова,

1816. года.

Fg|72|151

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи наукъ. Санктпетербургъ, Ноября. 9. дня, 1815 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ.

Ив. Тилковской.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

БЛАГОВѢРНОМУ ГОСУДАРЮ,

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ,

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ,

Милостивѣйшему Государю.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Милостивѣйшій Государь!

Во время достопамятнаго ***ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ*** *царствованія, притчи славнѣйшаго въ семъ родѣ на Россійскомъ языкѣ сочинителя Сумарокова имѣли щастіе быть украшены Высочайшимъ именемъ Родителя* ***ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,*** *покойнаго* ***ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.***

Я въ царствованіе покровителя наукъ, ***ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА I,*** *отверзающаго подданнымъ пространныя къ пользѣ и славѣ отечества пути, при возчувствованіи несовершенства моего сочиненія, собраннаго*

отъ юности моей, въ разныя времена, изъ многихъ знаменитѣйшихъ древнихъ и новыхъ притче-писателей дерзаю, не по достоинству онаго, посвятить ***ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ****, но удостовѣренъ, что благоволительное принятіе отъ* ***ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА*** *сего недостаточнаго произведенія пера моего составитъ его красоту и мою славу.*

Милостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА.

Всенижайшій слуга
Графъ Хвостовъ.

1802. года.
Іюня 18 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИТЧЕИ.

КНИГИ ПЕРВОЙ.

	стран:
Скупой и Прохожій - - - - -	1.
Конь и Жеребенокъ - - - - -	2.
Фебъ и Борей - - - - - -	3.
Летучая Мышь - - - - - -	4.
Дельфинъ - - - - - - -	5.
Дровосѣкъ и Смерть - - - - -	6.
Ворона и Сыръ - - - - - -	7.
Бошъ и Нева - - - - - -	8.
Два Голубя - - - - - -	9.
Разборчивая Невѣста - - - -	12.
Кукушка и Дроздъ - - - - -	14.
Дубъ и Тросшь - - - - - -	15.
Голубокъ и Муравей - - - - -	16.
Мышь Пустынница - - - - -	17.
Овца и Дождь - - - - - -	19.
Кошка Невѣста - - - - - -	20.
Два Лошака и Воры - - - - -	20.
Волкъ и Ягненокъ - - - - -	21.
Два Друга - - - - - - -	22.
Моръ Звѣрей - - - - - -	23.
Орлица, Веприца и Кошка - - - -	26.
Вдова - - - - - - - -	27.
Старый Левъ и Врачи - - - -	30
Козелъ и Лисица - - - - - -	32

стран:

Духъ и Желанія - - - - - - 33.
Купецъ и Щастіе - - - - - 35.
Муравей и Муха - - - - - - 37.
Заяцъ и Лягушка - - - - - - 38.
Топоръ - - - - - - - - 40.
Городская и Деревенская Мышь - - 42.
Старикъ и три Молодыхъ - - - - 43.
Туча, Гора и Куча - - - - - - 45.
Собака родильница - - - - - - 46.
Орлица и Ворона - - - - - - 47.
Совѣтъ Мышей - - - - - - 48.
Найденный Топоръ - - - - - 49.
Мужъ и яйцо - - - - - - 32.
Дворецъ Льва - - - - - - - 53.
Коршуны и Голуби - - - - - 55.

КНИГИ ВТОРОЙ.

Мѣшки судебъ - - - - - - - 1.
Орлица и Черепаха - - - - - 3.
Пустынникъ и почести - - - - 3.
Риторъ и Болванъ - - - - - 4.
Хлѣбъ и Собака - - - - - - 5.
Буря и Воръ - - - - - - - 6.
Лавръ и Маслина - - - - - - 7.
Роза или любовь - - - - - - 8.
Грабитель - - - - - - - - 9.
Щука и Уда - - - - - - - 10.
Ворона и Соловей - - - - - 11.
Щастье у дверей - - - - - - 11.
Фебъ и Діана - - - - - - - 12

стран:

Волкъ Зороастровъ жрецъ - - - 13.
Статуя и Солнце - - - - - 14.
Сократъ - - - - - - - 15.
Фортуна и Шелехи - - - - - 15.
Солнце и Молнія - - - - - 17.
Индѣйскій Пѣтухъ - - - - 17.
Курица слѣпая и зрячая - - - 18.
Шахматы - - - - - - 19.
Туча и Два Друга - - - - - 19.
Совѣтъ и Женихъ - - - - 20.
Мечь Наполеона - - - - - 22.
Левъ и Мудрая Змѣя - - - - 23.
Замокъ и Ключь - - - - - 25.
Жрецъ Юпитеровъ - - - - 26.
Дитя и Орѣхи - - - - - 28.
Пузырь - - - - - - - 29.
Левъ и его Совѣтъ - - - - 29.
Золотая Уда - - - - - 31.
Слонъ и Змѣя - - - - - 31.
Волкъ - - - - - - - 32.
Табашникъ и Борей - - - - 33.
Уборный Столикъ и Письменной - - 34.
Два Волка - - - - - - 35.
Двѣ Печальныя - - - - - 36.
Мудрецъ и Крестьянинъ - - - 38.
Золото - - - - - - - 40.
Нарцисъ - - - - - - - 42
Расинъ и Прадонъ - - - - 43.
Прохожій и Собака - - - - 44.

КНИГИ ТРЕТЬЕЙ.

	стран:
Лягушки, просящія Царя - - - -	1.
Учитель и Ученикъ - - - - -	3.
Волкъ и Пастухъ - - - - -	4.
Журавль и Рыбки - - - - -	4.
Пѣтухъ и Лисица - - - - -	5.
Два Пѣтуха - - - - - -	6.
Волкъ и Собака - - - - - -	7.
Леопардъ и Козелъ - - - - -	9.
Кормчій и Матросы - - - - -	11.
Земляная Ласточка - - - - -	11.
Оселъ, Хозяинъ и Собачка - - - -	12.
Влюбленный Левъ - - - - -	13.
Левъ на Войнѣ - - - - - -	14.
Болванъ и Богомольцы - - - -	16.
Волкъ и Журавль Лекарь - - - -	16.
Откупщикъ и Сапожникъ - - - -	17.
Змѣя и Пила - - - - - -	19.
Левъ больной и Лисица - - - -	20.
Эскулапій и больной - - - - -	21.
Котъ въ мукѣ и Мыши - - - -	21.
Птицеловъ, Ястребъ и Жаворонокъ -	22.
Заяцъ и Черепаха - - - - -	23.
Подагра и Паукъ - - - - -	24.
Муха и Берлинъ - - - - - -	25.
Мужикъ и Кумиръ - - - - -	27.
Леопардъ и Обезьяна - - - - -	28.
Свободный хлѣбопашецъ и Кладъ - -	29.
Львица и Мѣдвѣдица - - - - -	30.

Орелъ и Лисица - - - - - - 31.
Юпитеръ и Дачи - - - - - 32.
Война Кошекъ и Мышей - - - - 34.
Филинъ и Орелъ - - - - - - 35.
Учитель и Садовникъ - - - - - 37.
Старикъ и его Дѣти - - - - - 38.
Безногой и Босой - - - - - 41.
Фортуна и Ребенокъ - - - - - 41.
Мыши и Лягушки - - - - - 42.
Пѣтухъ и Жемчужное зерно - - - 42.
Щученокъ и Рыбакъ - - - - - 43.

КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ.

Желатель - - - - - - - 1.
Плутонъ и тѣнь - - - - - - 3.
Аполлонъ въ балахонѣ - - - - 5.
Вдовецъ и Сократъ - - - - - 6.
Колоколъ и Зефиръ - - - - - 7.
Кукушка и Мужикъ - - - - - 8.
Козелъ, Олень и Овца - - - - 8.
Корабль, Лодка и Плотъ - - - - 10.
Кривая Лисица - - - - - - 10.
Лисица и Слѣпни - - - - - - 11.
Двѣ сумы - - - - - - - 12.
Аполлонъ и Сатиры - - - - - 12.
Оселъ и Хозяинъ - - - - - - 13.
Корабль на морѣ и Корабль на рѣкѣ - 13.
Коршунъ и Голуби - - - - - 14.
Рѣка и Ручей - - - - - - 15.
Лисица и Куры - - - - - - 16.

Павлинъ - - - - - - - 17.
Картина и Охотникъ невѣжда - - 18.
Софоклъ и его доноситель - - - 18.
Странствіе въ храмъ счастія - - - 20.
Змѣй и Комета - - - - - - 22.
Звѣздословъ и Старуха - - - - 22.
Колесы часовые - - - - - - 23.
Сопожникъ и Врачь - - - - - 24.
Смерть, красавица, Старикъ - богачь и Мужикъ-
Мудрецъ - - - - - - - 25.
Золото и Серебро - - - - - 27.
Волкъ политикъ и Волкъ правдивый - 28.
Лисица и Медвѣдь - - - - - 30.
Орелъ и Сорока - - - - - - 31.
Комета и неподвижная звѣзда - - - 32.
Оракулъ - - - - - - - 33.
Фонари и Звѣзды - - - - - 34.
Два друга и пословица - - - - 35.
Птицы законоположители - - - - 35.
Указъ длинной и короткой - - - - 36.
Рысь и Кротъ - - - - - - 37.
Щука и Карась - - - - - - 37.
Тигръ и Лисица - - - - - - 38.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРИТЧИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Скупой и Прохожій.

Скупой, которой вѣкъ надъ деньгами ды-
шалъ,
Друзьями ихъ себѣ родными почиталъ,
И столько трепеталъ казны своей лишить-
ся,
Что за городъ отнесъ, и подъ кустомъ за-
рылъ.
Какъ солнышко взойдетъ, ходилъ
Любезнымъ деньгамъ поклониться;
Какъ солнышко садится,
Опять придетъ проститься,
И словомъ: ихъ такъ часто посѣщалъ,
Что молодецъ одинъ того не промигалъ;
Подтибрилъ денежки, а самъ, какъ сонъ,
пропалъ.
Скупой, увидя кладовую
Пустую,
На камень сѣлъ и горестно рыдалъ.
Кусточку сторожу пѣнялъ,
Схватя прохожаго кричалъ:
Узнай, что здѣсь меня нещастіе постигло,
Что здѣсь мое сокровище погибло:

Мои червонцы и рубли
Отсюда воры унесли,
И жизнь мою мнѣ здѣсь окончить должно. . . .
Какъ деньги были здѣсь? — Подъ этимъ вотъ кустомъ. —
Прохожій говоритъ: пускай ты братъ съ умомъ,
Но поступилъ неосторожно.
Скажи, въ кустарникѣ кто деньги бережетъ?
При нуждѣ, въ домѣ ихъ скорѣе вынуть можно,
Чѣмъ изъ лѣсу таскать. Теперъ набѣговъ нѣтъ.
Скупой слезами заливался,
И такъ сказалъ въ отвѣтъ:
Не тратилъ денегъ я, но ими любовался.
Прохожій возразилъ: не плачь и не тужи,
Гдѣ были денежки, тутъ камень положи.

Конь и жеребенокъ.

Однажды конь красивой,
Кичася ѣздокомъ, съ осанкой горделивой,
Шагами тихими предъ строемъ выступалъ.
Народъ коня отвсюду окружалъ;
Серебреной муштукъ, попона золотая,
Предъ малодушными блистая,
Умножили коню число похвалъ.
Трехлѣтній юный конь, сынъ мира и свободы,

Въ прозрачныя себя увидя воды,
Съ досадой матушкѣ тогда своей сказалъ:
О естьли бы когда къ отрадѣ,
Судьба велѣла мнѣ сіять въ такомъ на-
рядѣ! . . .
А та въ отвѣтъ ему: сынокъ!
Тебѣ къ величію открыты всѣ дороги,
Лишь будь неутомимъ и на бѣгу легокъ.
Ты молодъ и красивъ, имѣешь сильны ноги;
Когда свой родъ желаетъ украшать,
Носить богатые уборы,
И ослѣплять всѣхъ взоры,
Учись сперьва скакать.
Такъ праздности друзья, любители забавы,
Мечтаютъ, что они обижены судьбой; —
Кто ищетъ почестей и славы,
Тому достоинства, труды и нравы
Откроютъ путь прямой.

Фебъ и Борей.

Однажды съ Фебомъ повстрѣчался
Сердитой богъ Борей
И величался
Передъ царемъ свѣтилъ судьбой своей.
Когда лишь захочу, я крѣпкій дубъ ломаю.
Пускай межь звѣздъ бояринъ ты большой;
Но самаго тебя разъ каждый побѣждаю.
Бороться никогда не льзя тебѣ со мной;
Дохну, — колеблются лѣса и воды.

То было въ Сентябрѣ. Боясь погоды,
Проѣжжій въ епанчѣ, дорогою скакалъ.
Увидя епанчу, Борей оказалъ:
Пускай какъ хочетъ,
Проѣжжій твой закутавшись хлопочетъ;
Я мигомъ епанчу
Съ плеча его схвачу.
Лишь слово выпустилъ, какъ бѣшеной бунтуетъ,
Со всѣхъ сторонъ пыхтитъ, свиститъ,
Подъ воротъ епанчи, свирѣпо дуетъ.
Проѣжжій епанчу такъ ловко застѣгнулъ,
Что по пусту Борей въ нее жестоко дулъ.
А Фебъ едва лучемъ коснулся атмосферы,
И воздухъ разогрѣлъ, сама съ плеча
Свалилась епанча.
Вотъ строгости и кротости примѣры.

Летучая мышь.

Летуча мышь, звѣрокъ и птица
Летала, какъ синица,
Какъ мышь, ходить была легка.
Когда проворными ногами
Бѣжитъ котъ за мышами,
На воздухъ дастъ стрѣчка,
И говоритъ: я небоюся кошки,
Какъ кошка ни прытка,
Крылатому вездѣ окошки.—

А есть ли ястребокъ
Надъ нею оказать свое захочетъ барство,
И дать щелчокъ,
Нырнетъ она въ мышачье царство,
Покажетъ лапочки, почванится носкомъ,
Такъ воздухъ и земля ей пристань, домъ.
Вездѣ летуча мышь сыта, щастлива.
Пусть возразятъ, таковъ весь свѣтъ;
По мнѣ душа не очень въ томъ красива,
Которой такъ живетъ.

Дельфинъ.

Извѣстенъ съ давнихъ лѣтъ расказъ:
Что любятъ горячо Дельфины насъ.
Какъ люди на морѣ, средь бури погибаютъ,
Дельфины ихъ спасаютъ.
Случилось въ Греціи, суденышко одно,
По злобѣ Аквилона,
Пошло на дно,
Добычу весть къ лицу угрюмаго Плутона.
Тогда кто на доскѣ, кто по валамъ,
Хоть запыхавшися, плетется къ берегамъ.
Сердитая волна готовила кончину
Страдальцу одному. Пришлось Дельфину
Его спасти.
Спасенный мореходъ, плывущій на Дельфинѣ,
Къ преславнѣйшей Афинѣ,
Дельфину говоритъ въ пути:
Афины мнѣ знакомы

И переулки всѣ, и улицы, и домы;
Я ночью путь найду, изволь лишь довести.
Дельфинъ сомнѣніе имѣя,
Спросилъ, ты знаешь ли Пирея?
О какъ незнать! онъ дядя мнѣ,
Пирей въ Афинахъ городничей.
Дельфинъ узналъ, какой между людей обычай,
Узналъ, что шалуна возилъ онъ на спинѣ.
На свѣтѣ многіе невѣжей ослѣпляютъ
Враньемъ пустымъ,
И часто выпускаютъ
Всесвятское за Римъ.
Дельфинъ не захотя полезнымъ быть уроду.
Нырнулъ и съ хвастуномъ обратно въ воду.

Дровосѣкъ и смерть.

Работой древосѣкъ однажды утомился,
И, съ плечь вязанку дровъ снимая, говорилъ.
Отъ топора худой барышъ мнѣ былъ,
Я для несчастія на свѣтъ родился,
И въ жизнь мою ни чѣмъ не веселился.
Тамъ надобно платить подушное, оброкъ.
Тамъ дѣти, тамъ жена, а хлѣба лишь кусокъ,
Онъ смерть на помощь призываетъ,
Явилась смерть и вопрошаетъ:
За чѣмъ ты звалъ меня? вотъ я пришла. —
Чтобы вязанку дровъ поднять мнѣ помогла. —
Смерть всѣ напасти прекращаетъ

Но люди такъ привыкли толковать,
Милѣй страдать,
Чѣмъ умирать.

Ворона и сыръ.

Незнаю гдѣ-то послѣ пиру
Ворона унесла остатокъ сыру.
Во рту держа кусокъ,
На липу сѣла.
Какъ вдругъ туда лисица подоспѣла,
Сыръ выманить хотѣла.
Насильно взять нельзя, лисица лесть запѣла.
Я чаю голосокъ,
Пріятенъ у тебя и нѣженъ и высокъ.
Ворона глупая отъ радости мечтала,
Что вправду Тоди * стала,
И пасть разинула. Упалъ кусокъ,
Которой подхватя коварная лисица,
Сказала напрямки: не вѣрь хвалѣ сестрица;
Ворону хвалитъ міръ,
Когда у ней во рту случится сыръ.

Ботъ и Нева.

Въ Петрополѣ жилъ двувесельный Ботъ.
Безъ дальнихъ онъ хлопотъ,
Отъ Пантелеймона, черезъ Фонтанку къ саду
Перевозилъ народъ.

---

* Славная 18 столѣтія пѣвица.

Какую этотъ трудъ мнѣ дѣлаетъ досаду,
Однажды говоритъ, я мучусь пятый годъ,
Кого моя судьба не тронетъ?
Когда со мной хозяинъ мой потонетъ?
Проклятой человѣкъ, нахалъ,
Вѣкъ въ Римѣ я живу, а Папы невидалъ.
Сажень шагнуть — Нева, версту — пространно море.
Но въ этомъ всё и горе
И всѣ мои бѣды,
Что я Нева твоей не видывалъ воды.
Умѣлъ бы, какъ другой, я парусы раскинуть,
Катать съ музыкою, и въ бурѣ не погибнуть.
Сей часъ хоть за Кронштатъ летѣть готовъ,
Я съ маленькимъ кормиломъ,
Пущуся въ запуски съ Рафайломъ, Уріиломъ,
Не струшу отъ сѣдыхъ валовъ. —
Зевесъ не дремлетъ,
Пустыя часто прозьбы внемлетъ.
Едва промолвить Ботъ успѣлъ десятокъ словъ;
Летитъ Борей и дуетъ,
Крутитъ Садову пыль и на Невѣ бунтуетъ,
Кичливости и силы полнъ,
Открылъ онъ челюсти свирѣпыхъ волнъ;
Безъ мыслей оторвалъ веревку Бота;
Гдѣ очутился Ботъ?

Исполнилась охота; —
Борея по слѣдамъ, средъ Невскихъ быстрыхъ водъ; —
Къ Подзорному несется;
Но дно трясется.
Потомъ вверьхъ дномъ
Кувыркается онъ безъ боку,
Въ щепы разсыпался, и мысль высоку
Въ Неву спустилъ.
А на Фонтанкѣ Ботъ гораздобъ долѣ жилъ!

Два Голубя.

Друзья сердечные два голубочка были,
И дни пріятные другъ съ другомъ проводили,
Любили вмѣстѣ ворковать,
И вмѣстѣ поклевать,
И вмѣстѣ наручей, для утоленья жажды.
Одинъ изъ нихъ постарѣ былъ, другой
Напротивъ молодой,
Весну прелестную лишь видѣлъ онъ однажды.
Всечасно крылья расправлялъ,
Твердя товарищу: оставя край полночный,
Хочу летѣть въ страны восточны.
Но старшій голубокъ лишь головой качалъ,
И говорилъ: легколь съ тобою мнѣ разстаться,
За чѣмъ летѣть? Здѣсь тотъ же Солнца свѣтъ.

Ты будешъ тамъ скитаться
Средь горести и бѣдъ.
Тамъ повстрѣчаются тебѣ и горки воды,
И громъ, и вихрѣ, и непогоды.
Тамъ злые коршуны зачинщики войны.
Недавно, слышалъ я, ворона прокричала,
И вѣрно чью нибудь напасть она вѣщала.
Ужъ лѣто кончилось, всѣ жатвы собраны;
Зефировъ подожди наперстниковъ весны;
Но младшій голубокъ о странствіяхъ хлопочетъ,
И дружбы слушаться нехочетъ,
Толкуетъ другу такъ: путь скоро кончу свой,
И прилечу домой.
Хочу себя наставить,
Какъ голуби живутъ, и тамъ, и сямъ узнать,
Что худо пренебречь, что лучше перенять.
Хочу расказами тебя я позабавить;
Я молодъ и въ порѣ,
Я голубь, а не кротъ, мнѣ стыдно жить въ норѣ.
Пришлося разставаться,
Слезами обливаться,
И младшій голубокъ, собрался, полетѣлъ,
Куда хотѣлъ.
Но вотъ напасть! вдругъ хлынулъ дождь рѣкою,

И голубокъ
Иззябъ, измокъ.
Лишь минула гроза, онъ на пшеницу скокъ,
И тутъ запутался въ силки ногою.
Кой какъ освободясь, опять съ бѣдою
Сошелся невзначай.
Попалъ на ястреба. Орелъ на тотъ случай,
Летя не далеко, за ястребомъ сталъ гнаться.
А голубъ между тѣмѣ — ужъ въ видѣ бѣглеца,
Покамѣсть два сцѣпились молодца,
Домой задумалъ убираться
Въ деревнѣ хочетъ онъ на кровлю опускаться,
Ребенокъ камышекъ схватилъ,
Пустилъ. —
Пошла стрѣла въ назначенну дорогу,
И голубю попала въ ногу.
Нещастной голубокъ хромой,
Летитъ домой,
Гдѣ друга старика стыдливо обнимаетъ,
О путешествіяхъ и рта не разѣваетъ.

Разборчивая Невѣста.

Красавица, по имени Пріята,
Была знатна, богата,
Ловка и молода, при томъ и неглупа.
Повѣритъ всякой мнѣ, что жениховъ толпа

Несмѣтная къ ней прилѣпилась,
Лишъ съ матерью она въ собраніе явилась.
На лучшихъ жениховъ и лѣтомъ и зимой,
Пріятѣ пять годовъ былъ урожай большой.
Красавцы, умники, вельможи,
И тѣ, кто по рублямъ пригожи,
Всѣ льнули къ ней,
Толпяся у ея дверей.
Пріята душенька была спѣсива;
На выборъ жениха чрезмѣрно щекотлива,
И на отказъ скора.
Всѣхъ жениховъ ссылаетъ со двора.
Тотъ ей по росту неугоденъ,
Тотъ сухъ, а тотъ дороденъ,
Тотъ слишкомъ бѣлокуръ, или черноволосъ,
У этаго коротокъ носъ.
Хотѣла, чтобъ женихъ былъ у нее пріятенъ,
Красавецъ, статенъ,
Уменъ, богатъ, и знатенъ,
Притомъ нехолоденъ — и — неревнивъ.
Какъ договоръ такой довольно прихотливъ;
То скоро знатные искатели отстали;
Похуже женихи мѣста ихъ заступали.
Красавица моя изволитъ хохотать,
Когда могу свободой веселиться,
За чѣмъ замужствомъ торопиться,
Себя безъ нужды унижать.
А между тѣмъ Старикъ съ песочными часами

Своей дорогою бредетъ.
Сего дня прелесть унесетъ,
А завтра нѣжный цвѣтъ:
И такъ пятью годами,
Сатурнъ красавицу довольно обязалъ.
Деревни, города, починивать намъ можно:
Жалѣть лишъ только должно,
Что средствъ такихъ для лицъ никто не вымышлялъ.
Мнѣ скажутъ: есть румяна и бѣлила,
Спѣсивица моя давно ихъ истощила.
Любовь успѣла лишь сказать: — прости;
То скука показала
Ей къ брачнымъ радостямъ пути.
Ужь не по прежнему Пріята разбирала,
И скоро жениха по мыслямъ отыскала.
Но вышла за кого она?
За старика и горбуна. . . .

Кукушка и Дроздъ.

Кукушка ко Дрозду однажды подлетѣла,
И говоритъ ему: я никогда не пѣла,
И неумѣю пѣть;
Но мнѣ дано толкъ въ пѣсняхъ разумѣть.
О всѣхъ я голосахъ пророчески толкую,
Хвалю друзей, постылыхъ критикую.
Тебѣ по дружбѣ объявлю,
Что тѣхъ лишъ хвалятъ здѣсь, кого я похвалю.

Всѣ здѣшніе пѣвицы,
Мои кумы или сестрицы.
Всѣ наши знатоки съ кукушкою родня!..
Повѣрь не можно рта разинуть безъ меня;
Когда тебѣ удодно
Ты пой,
Дружечикъ мой
Свободно.
Твой голосокъ
Мнѣ очень милъ, хотя не громокъ, но легокъ.
Однако прежде самъ, какъ другу,
Мнѣ окажи услугу.
Пожалуй времяни не отлагай,
Хотя пригоршню мнѣ въ займы пшенички дай.
То птицы были:
Нельзя, чтобъ критики у насъ пѣвцовъ бранили
За то, что денегъ съ нихъ взаймы неполучили.

Дубъ и Трость.

Въ кичливой гордости однажды Дубъ сказалъ
Смиренной тросточкѣ: смотри каковъ я сталъ,
Почти до облаковъ вершину простираю,
А корень внутрь земли далеко опускаю.
Бурливый Аквилонъ, волнуя міръ,
Мнѣ столькожъ, какъ зефиръ
Ужасенъ.

Всегда я безопасенъ!
Но жребій твой,
Совсемъ иной.
Лишъ воды ручейковъ наморщиться успѣ-
ютъ,
Твои всѣ силы ослабѣютъ;
И ты принуждена пригнуть — къ землѣ себя.
Тебѣ несносно бремя,
Когда въ весенне время
Маслиновка присядетъ на тебя.
Малюпка Тросточка такъ дубу отвѣчала:
Конечно я тонка,
Гибка;
Но неломка.
Пускай гроза не поражала
Доселѣ твоего высокаго лица, —
Мы подождемъ конца.
Вдругъ буря страшная востала,
Къ землѣ тогда вмигъ Тросточка при-
пала;
А Дубъ стоитъ. — Борей озлился,
Такъ дулъ,
Съ такой свирѣпостью стремился,
И наконецъ столь яростно рванулъ,
Что крѣпкій Дубъ — переломился.

Голубокъ и Муравей.

Спустился Голубокъ пить воду на ручей;
А тамъ, гуляя Муравей,

По краишку, — споткнулся,
И въ воду бухъ! чуть, чуть незахлѣбнулся,
И весь обмокъ.
Въ то время голубокъ,
Чтобы помочь страдальцу въ горѣ,
Взявъ травки нѣсколько кидаетъ въ это море;
Тутъ травка стала мысъ, по травкѣ Муравей,
Взобрался на лужокъ, увидѣлся съ семьей.
Межъ тѣмъ стрѣлокъ босой успѣлъ туда явиться,
Увидя голубка, хотѣлъ имъ поживиться.
Но вотъ бѣда;
Спасенный Муравей тогда,
Стрѣлка ужалилъ въ ногу.
Отъ этаго стрѣлокъ
Свой опоздалъ спустить курокъ,
А голубъ полетѣлъ въ свою дорогу.

Мышь пустынница.

Старуха Мышь была,
Она въ пустыню жить пошла.
Мышь эта богомольна,
Зубами выдолбя большой Голандской сыръ,
Зарылася въ него и позабыла міръ.
Пустыня рай для ней, трапеза хлѣбосольна,
И келѣйка довольна.
Чегоже болѣе? Богъ милостью своей

Изволитъ награждать святыхъ мужей.
Мышь крысой сдѣлалась, и тѣломъ и душей;
Разглаживала усъ и очи потупляла,
Одно небесное на свѣтѣ помышляла.
Стучатъ у келѣйки: — кто это? земляки! . . .
Мы въ земли посланы отселѣ далеки,
Во Нордо — крысное преславно королевство,
Гдѣ чаемъ обрѣсти къ спасенью средство.
Въ отечествѣ бѣда!
Бунтуютъ мыши всѣ, и норки раззорили,
И короля казнили,
Намъ котъ такого зла не дѣлалъ никогда,
Мы войско набираемъ,
И странствуя, безъ пищи умираемъ.
Запасомъ маленькимъ ты насъ благослови,
Сама въ безмолвіи живи,
Подъ кровомъ вышней власти:
Идущимъ въ дальный путь,
Подай намъ что нибудь.
Ахъ, сжалься, помоги нещастливымъ въ напасти.
Но мать святая имъ:
Пособіемъ какимъ
Могу жестокую закрыть вамъ рану?
Я не учавствую мірскихъ суетъ въ борьбѣ.
Я здѣсь пустынница, молиться Богу стану
О васъ, и о себѣ.
Да будетъ, — какъ святой его угодно волѣ!

Тогда наперстница молитвы и поста
Любезныхъ земляковъ на чисто поле,
Замкнувъ смиренныя уста,
Съ поклономъ проводила,
И въ келью дверь по крѣпче затворила.
Сказалъ мнѣ Лафонтенъ, что это не монахъ,
А развѣ то Дервишъ; — я утверждаю тоже,
Избави Боже!
Разбиться мнѣ съ учителемъ въ словахъ.

Овца и Дождь.

Съ Бореемъ Фебъ былъ въ ссорѣ,
Лилось дождя на землю море.
Бѣда,
Когда разсердятся большіе господа!
Дождь крупенъ, частъ и нивы потопляетъ.
Извѣстно въ дождь никто безъ нужды не гуляетъ,
Обычай былъ такой и есть. —
Одна овца забыта въ полѣ.
Овца обмокла вся, нѣтъ силы болѣ
Бороться ей съ дождемъ, умѣетъ дождь пролезсть
Сквозь шерсть;
Овца дрожала,
Къ огню бѣжала.
Попалася не въ клѣвъ къ своимъ сестрамъ,

Сушиться забрела на кухню къ поварамъ,
Они не много говорили,
Овцу для ужина сварили.

Кошка невѣста.

Влюбился въ статую Пигмаліонъ,
Какъ увѣряетъ насъ затѣйливый Назонъ;
Такъ для чего и въ кошку не влюбиться.
А правда или ложь, я немогу божиться,
Любовникъ кошечій просилъ боговъ,
Чтобъ въ женщину его красотку превратили.
Олимпа жители о томъ поговорили,
Согласны здѣлались, указъ готовъ.
Женихъ безъ памяти любезной кошкой таетъ,
Щастливѣйшимъ себя изъ смертныхъ почитаетъ,
Свершился бракъ съ любезной красотой;
Шелунъ пируетъ мой.
Въ чертогѣ радости; къ кровати мышь мелькнула
Съ кровати барыня спрыгнула,
И стала на часахъ, чтобъ мышку изловить.
Природныхъ склонностей нельзя перемѣнить.

Два Лошака и Воры.

Случилось въ сумерки, вечернею порою,
Поклажу на возахъ два лошака везли:

Одинъ мѣшки съ казною,
Другой отъ мельника съ овсомъ кули;
Какъ вдругъ напали воры,
Которые тогда оставя разговоры,
Считали, что лошакъ съ овсомъ — не на войнѣ, —
Его столкнувъ съ пути, всѣ кинулись къ казнѣ.
По головѣ, и по спинѣ,
И по бокамъ изрядно колотили
Съ казною Лошака. Обиженный лошакъ
Товарищу кричалъ: насъ вмѣстѣ подрядили.
Скажи! за что меня, а не тебя побили.
Въ отвѣтъ ему сказалъ товарищъ такъ:
Ты баринъ важной,
Лошакъ присяжной,
А я простолюдимъ и мельниковъ батракъ,
Не рѣдко сѣлянинъ вкушаетъ вѣкъ пріятной.
Въ бѣдѣ и хлопотахъ вельможа знатной.

Волкъ и Ягненокъ.

Тотъ правъ, кто силенъ,
Онъ доказательствомъ обиленъ.
Въ одной рѣкѣ Ягненокъ съ Волкомъ пилъ.
Волкъ занялъ выше кряжъ, Ягненокъ ниже былъ.
Ягненка жадный звѣрь примѣтя, говорилъ:
О дерской,
Беспутной скотъ!

Какъ смѣешь ты мутить моихъ источникъ
водъ?
Сей часъ готова казнь. Въ отвѣтъ на го-
лосъ звѣрской
Ягненокъ съ робостью: свѣтлѣйшій Князь!
Я въ устьѣ самомъ пью, ко мнѣ стекаетъ
грязь.
Тогда кричитъ ему разбойникъ разъярясь:
Давно я на тебя грызу дружочикъ зубы.
Ужъ минулъ годъ, какъ рѣчи грубы,
Ты обо мнѣ повсюду распускалъ.
Овечкинъ первенецъ сказалъ:
Я въ тѣ поры, сударь, еще и не родился,
Я матушку сосу; такъ братецъ твой тру-
дился
Ругать меня.
Нѣтъ братцевъ ни сестрицъ. Ну такъ
родня,
Иль тетка иль пастушка.
Безъ дальнихъ словъ унесъ,
Ягненка въ лѣсъ.
Вотъ Волку и пирушка! —

Два Друга.

Два друга были,
Отъ Волги и Невы они далеко жили.
Въ срединѣ Африки, какъ Лафонтенъ ска-
залъ.
Одинъ изъ тѣхъ друзей, ночной порою

Съ постели кинулся, и къ другу прибѣжалъ,
Который пробудясь другому закричалъ:
Любезный другъ! зачѣмъ ты измѣнилъ Морфею,
Когда обиженъ кѣмъ, пойдемъ отмщать злодѣю;
Коль деньги проигралъ, вотъ кошелекъ — возьми;
А естьли уловленъ любовными сѣтьми,
Я въ мигъ одѣнуся, увидимся съ роднею
Красавицы твоей.
Жди помощи отъ дружбы ты моей.
Другой въ отвѣтъ: средь сна привидѣлся печаленъ
Ты мнѣ. Узнать я о тебѣ хотѣлъ,
И прилетѣлъ.
Которой болѣе примѣръ похваленъ, —
Безсмертный Лафонтенъ рѣшить не смѣлъ.
Прямой, и вѣрной другъ — безцѣнная отрада,
Узнать желанія не ожидаетъ взгляда, —
И словъ,
У друга въ сердцѣ самъ ихъ отыскать готовъ.
Забота никогда объ милыхъ не напрасна:
Тутъ страшенъ сонъ, — бездѣлица ужасна.

Моръ Звѣрей.

Небесъ ужасный бичь, лютѣйше въ мірѣ зло,
Неизцѣлимый моръ разилъ звѣрей станицы.
Лишались жизни львы, слоны, быки, лисицы,
Животныхъ гибнуло не смѣтное число.
И тѣ, которые не умирали,
Боязнью умереть страдали,
И тосковали.
Лисицы куръ неворовали,
Голубки милые не ворковали.
На умъ веселіе къ нимъ болѣе не шло;
Кустарники, лѣса всѣ пусты и унылы
Являли видъ могилы.
Царь Левъ, увидя то въ печальный день,
Всѣхъ подданныхъ своихъ въ цареву кликнувъ сѣнь,
Сказалъ: мы грѣшны всѣ, коли не всѣ, то многи.
Я знаю, милосерды боги,
Но праведны они и строги.
Очистимъ совѣсти раскаяньемъ теперь;
Пусть беззаконный звѣрь
Предастся добровольно.
Зевеса кто нибудь да прогнѣвилъ изъ насъ,
Такъ жертвы для него одной довольно.
И естьли грѣшникъ тотъ, я самъ; готовъ сей часъ,
Сію минуту

Принять казнь люту,
И приговора жду отъ васъ.
Я кушивалъ овецъ, они передо-мною
Не проступилися ни малою виною,
Ѣдалъ, не потаю грѣха,
И пастуха.
Мартышки тутъ, лисы, всѣ барыни проворны,
Всѣ души хлибкія и языки придворны
Пустились соплетать не милосердо лесть;
Овца преглупа тварь, овцамъ велика честь,
Что ты звѣриной царь благоволилъ ихъ ѣсть.
А злой пастухъ съ дубиной,
Мечтая царствовать надъ глупою скотиной,
Давно постылъ державѣ львиной.
Потомъ, въ свидѣтельствѣ грѣховъ
Слоновъ,
Вельможъ глухихъ дубравъ, точь въ точь
такъ поступили.
Чиновные скоты всѣ праведники были;
И даже ихъ дьяки и волъ и песъ
Оглашены любимцами небесъ.
Оселъ явясь сказалъ: извольте долгъ ис-
полню;
И я, хотя давно, однако точно помню,
Схватилъ съ подкошенна монахами лужка,
Сѣнца неболѣ полклочка;
Пусть права не имѣлъ, но вотъ причина,
Что голодъ подстрѣкалъ, а можетъ быть
И бѣсъ,

Меня умышленно туда занесъ.
Негодная скотина!
Монаховъ сѣно ѣсть? всѣ заревѣли тутъ,
О беззаконникъ злой, о святотатецъ, плутъ.
Въ казнь грѣшнику сему, болѣзнь намъ Боги шлютъ.
Въ минуту, безъ суда виновнымъ объявили,
И удавили. —

Орлица, Веприца и Кошка.

Свила себѣ гнѣздо на деревѣ Орлица.
При корнѣ дерева жила Веприца,
А Кошка заняла средину всю дупла.
Всѣ знаютъ Кошкинъ нравъ, она лукава, зла.
Приходитъ съ ласкою, имѣя видъ жальливый
И говоритъ: завелъ къ тебѣ случай щастливый.
Скажу молву, пришла бѣда,
Неоставляй гнѣзда,
Я вѣрно слышала, когда Веприца
Покинетъ на часокъ своихъ дѣтей,
Придетъ Орлица,
Брегись ея когтей. . .
Прости, ни слова болѣ.
Къ Орлицѣ прибѣжавъ лукавица оттолѣ,
Ей кротко говоритъ: пернатыхъ силъ Царица,
Усердно выслушай меня Орлица!
Гнѣзда не оставляй,

О дѣтяхъ помышляй!
Веприца по ночамъ у корня роетъ.
Лишъ часъ откроетъ,
Что нѣтъ въ гнѣздѣ тебя,
Все дерево свалитъ, орлятъ губя,
И сердце матери, прибавя съ жаромъ,
Пронзитъ ударомъ.
Орлица позабывъ, что жить не льзя,
Когда припасовъ нѣтъ ни крошки,
Послушалась лукавой кошки.
Надъ милыми дѣтьми слезя,
Сидитъ на макушкѣ въ безсмѣнномъ кара-
улѣ,
Веприца та внизу безсмѣнно на часахъ.
Бѣда и страхъ,
Въ посулѣ!
А голодъ между тѣмъ обѣихъ поморилъ,
И Кошкѣ добычу богату подарилъ.

Вдова.

Не спорю, что вдовство — глубокая печаль.
Супруга положить во гробъ конечно жаль,
И сердцу нѣжному несносно бремя;
Однако есть всему пора и время.
Тоска со времянемъ на крыльяхъ улетитъ,
И время прежднія утѣхи возвратитъ.
Необходимости послѣдуя закону,
Супругъ сбирался въ путь къ Плу-
тону,

Жена его тогда кричитъ: постой,
Любезной мой!
Я умереть хочу съ тобой.
Но въ дальнюю одинъ дорогу мужъ пу-
стился,
Жена взялась терзаться, и кричать,
Рыданьемъ, воплями, сосѣдямъ докучать.
Отецъ печальную уговорить нельстился,
Какъ мудрый человѣкъ грустить ей волю
далъ.
При первомъ случаѣ ни слова не сказалъ.
Спустя недѣлю рѣчь завелъ: о дочь любезна!
Кому тоска полезна?
Нѣтъ нужды ни какой о мертвомъ такъ
тужить,
Ты можешъ въ радости еще съ живыми жить,
На бѣломъ свѣтѣ.
Пріятель у меня есть на примѣтѣ. . . .
Совѣтую, какъ другъ, прошу я, какъ отецъ:
Забудь печаль, женихъ собою молодецъ.
Вдовица залилась слезами,
Сразили вы меня ужасными словами;
Ахъ батюшка, какъ мнѣ о свадьбѣ помы-
шлять,
Сердечны горести тѣмъ больше растрав-
лять?
Мнѣ гробъ, иль монастырь дать могутъ
утѣшенье.
Отъ брака въ дочерѣ увидя отвращенье,

Пошолъ ни съ чѣмъ отецъ. Проходитъ мѣсяцъ, два.
Ужъ мысли у Вдовы свѣжѣе,
И стала Вдовушка повеселѣе.
Отбросила сукно,
И начала носить и дымку и лино.
Прошло пять мѣсяцевъ, живѣе стали взоры
Пріятнѣи разговоры.
Потомъ пришли
Веселье, смѣхи;
Забытыя утѣхи
Съ собою привели:
Улыбки милыя, румянецъ проглянули,
Амуры крошечки въ окно вспорхнули.
Приходитъ къ ней опять отецъ,
И онъ ужъ болѣе ни слова про вѣнецъ.
Но Вдовушка сама, забывъ свои печали,
Увидя, что старикъ о свадебкѣ затихъ,
Сказала такъ, а гдѣ же батюшка женихъ,
Котораго вы мнѣ тогда то представляли,
И столько выхваляли?

Старый Левъ и Врачи.

Царь Левъ Лейбъ медику однажды молвилъ слово:
Я болѣнъ не шутя, — лечи.
Отвсюду во дворецъ нахлынули врачи;
Собраніе лѣчителей готово.

Всѣ кинулись объсѣсть больнова Льва кро-
вать.
Кто корешокъ несетъ умѣя колдовать,
Кто, усыпляя Льва, сталъ оды воспѣвать.
Кто были говорить, кто небылицы.
Иной. . . . тамъ были всѣ, лишъ не было
лисицы.
Питая волкъ къ лисицѣ злость
За то, что Левъ, ей далъ недавно лишню
кость,
Сидя возлѣ царя больнова
Пробормоталъ два слова:
Самодержавнѣишій! лиса
Нехочетъ посидѣть съ тобою ни часа, —
О прибыли вѣкъ цѣлый помышляетъ;
Но долгъ прямыхъ рабовъ,
Въ присутствіи твоемъ молить боговъ.
Онъ рѣчью таковой больнова воспаляетъ,
Противъ лисицы озлобляетъ.
Левъ грозно приказалъ гонцу,
Лисицу къ царскому привесть тотъ часъ
лицу.
Лисицу привели, лисица въ мигъ у трона.
Заговорила такъ: оставя всѣ дѣла,
Я у пріятеля была
Наслѣдника Хирона,
Чтобъ снадобье тебѣ, о Царь мой! испро-
сить.
Онъ мнѣ сказалъ: Царь будетъ долго жить,

Получитъ силу Царь отъ врачества простова.
Велите кожу снять вы съ волка, но съ живова,
И теплую, по царскому плечу,
Раскинуть будто епанчу.
Сомнѣнья нѣтъ, что врачество такое
Великому Царю прибавитъ силы вдвое,
И можетъ вновь
Разгорячитъ остывшу кровь.
Услыша эту вѣсть не долго говорили,
Тутъ волка съ кожею въ минуту разлучили.
А тѣло за рецептъ лисицѣ подарили.
Увы придворные! какъ? развѣ у двора
Другъ друга негубя нельзя сыскать добра?

Козелъ и Лисица.

Козелъ не много глуповатый,
Но только ужъ за то въ три яруся рогатый,
Гулять пошолъ съ проворною кумой,
А имянно съ Лисой.
Имъ захотѣлось пить, въ колодезъ въ мигъ скочили,
И жажду утолили.
Лисица говоритъ: сладка вода,
Но ежели отсель не выскочимъ — бѣда!
Упрись любезный сватъ передними ногами,
Вдоль по стѣнѣ, — не будь упрямъ,

Захватишь можетъ край высокими рогами;
У свата по спинѣ и по рогамъ,
Я, какъ по лѣстницѣ, къ веревкѣ доберуся.
На землю выскочу и за тобой явлюся.
Козелъ ей отвѣчалъ, клянуся бородой,
Любезная Лисица,
Что ты на выдумки большая мастерица!
Мнѣ непридумать бы. Исполня вымыслъ свой,
Тотъ часъ затѣйница на землю возврати-
лась;
Но свата вытащить совсѣмъ не суетилась.
Коварно заглянувъ въ калодезь, прочь пошла,
Оставя плавать тамъ Козла,
На вѣчность.
Скажу, читатели, я въ заключеніе вамъ.
Мнѣ очень грустно то, что сходить съ
рукъ плутамъ,
Когда удастся имъ провѣсть чистосердеч-
ность.

Духъ и Желанія.

Неочень то давно,
Когда? — я позабылъ, — но послѣ ужъ Го-
мера,
Была къ духамъ на свѣтѣ вѣра. —
Когда бы ни было, намъ это всё равно.
Былъ Духъ Индѣйской житель,
Своихъ хозяевъ покровитель.

Какъ вдругъ совѣтъ духовъ прислалъ ему
указъ
Летѣть оттолѣ на Кавказъ.
Совѣта горняго нельзя духамъ неслушать,
И такъ, сбираясь Духъ хозяевамъ сказалъ:
Не буду болѣе хлѣбъ соль я вашу кушать;
Однако докажу, сколь вамъ добра желалъ,
И дружбу вашу помню.
Желайте — три желанія исполню,
А болѣе нельзя ни какъ, нелгу.
Въ желаньяхъ у людей всѣ мысли на бѣгу,
Желанія, съ начала свѣта,
Вертятся всѣ почти вкругъ одного пред-
мета.
Литъ только обѣщалъ пріятель Духъ,
Жена и мужъ вдругъ мысли согласили,
И громко въ слухъ,
Тутъ оба взапуски богатства попросили.
Богатства къ нимъ текло
Несмѣтное число;
Для нуждъ, для прихоти, и для покою
Червонцы сыпались, вино лилось рѣкою,
И выросъ хлѣбъ
Не только для потребъ,
И на продажу,
Но старостѣ, мышамъ на кражу.
Среди обилія, хлопотъ
Имъ полонъ ротъ.
Воришки по ночамъ не рѣдко къ нимъ ходили,

Споръ съ ними о земляхъ сутяги заводили,
Послучаю тому подъячіе ихъ брили.
Но вотъ еще бѣда!
Большіе Господа
Взаймы просили,
А долгу не платили.
Увидя это мужъ и съ нимъ жена,
Опять кричатъ умѣренность одна —
Удѣлъ душъ честныхъ,
Первѣйшій въ свѣтѣ даръ въ числѣ даровъ
небесныхъ.
Желаемъ Духъ, чтобъ намъ она
Была возвращена.
Богатство отнято, умѣренность дана.
И вылилось по справкѣ,
Что два желанія уже въ убавкѣ.
Тогда, смѣяся Духъ желаніямъ пустымъ,
Благоразумье въ даръ оставилъ имъ.

Купецъ и Щастіе.

Однажды щастіе Купца избаловало,
Ему всё въ руку шло.
И точно такъ текло,
Какъ сердце пожелало.
Товарищи его среди свирѣпа моря,
Теряютъ корабли и терпятъ много горя;
Но для сего щастливца кораблей
Подводныхъ камней нѣтъ, ни бури, ни мѣлей;
Чай, сахаръ и вино и перецъ и корицу

И бронзы и фарфоръ,
Раскупятъ въ пристани и отошлютъ въ столицу.
Доходъ такой чрезмѣрно споръ.
Купецъ мой сталъ купецъ богатый;
Въ деревнѣ строитъ домъ, а въ городѣ палаты.
Купецъ мой хлѣбосолъ,
Дружится съ барями, открытый держитъ столъ.
Убранство въ комнатахъ и щегольство посуды,
Избытокъ яствъ и винъ богатыхъ удивлялъ,
Старинный другъ его на то ему сказалъ:
Ну, мой любезный сватъ, копаешь вѣрно руды,
Богатство у тебя взялось откуды?
Откуды! умъ, труды, богатство дали мнѣ.
Не трачу времяни въ забавахъ и во снѣ;
Отколѣ выгоднѣй, тамъ достаю товары.
Умѣю снаровить купцамъ чужой земли.
Умѣю дешево построить корабли;
Я знаю гдѣ зефиръ, гдѣ вѣтры дышутъ яры.
Тому всё въ ладъ идетъ, кто родился съ умомъ.
Тотъ самъ не правъ, кто ходитъ съ кошелемъ.
Пусть такъ, но дѣло въ томъ,
Что барыня Фортуна

Смотрѣла на купца прямымъ лицомъ,
Спасала отъ Нептуна;
А послѣ на него взглянула Сентябремъ.
(Что здѣсь не чудо. . .)
Одинъ его корабль законопаченъ худо,
Лишъ въ море выступилъ, то на мѣль сѣлъ,
пропалъ.
Другой Алжирцамъ въ дань достался,
Прикащикъ съ деньгами бѣжалъ.
Притомъ хозяинъ самъ беспутно промо-
тался.
Старинный другъ его
Тогда спросилъ: скажи пожалуй, отъ чего
Въ лохмотьяхъ вижу я любезнаго мнѣ свата?
Гдѣ прилѣжаніе твое, сноровка, умъ?
А тотъ въ отвѣтъ: дражайшій кумъ,
Всему Фортуна виновата. . . .

Муравей и Муха.

Незнаю Муха гдѣ близь Муравья сидѣла,
И всё самой себѣ похвальны пѣсни пѣла.
Кричитъ: боготвори владычицу свою,
Нельзя никакъ сравнять съ моей судьбу
твою.
Я житель воздуха, вездѣ летаю,
И яствы лучшія и сладкія вкушаю.
Когда хочу — въ уста красавицу лобзаю,
Въ кудрявыхъ волосахъ резвлюсь у ней,
играю,

Скажи мнѣ Муравей, на царское чело
Дерзалъ ли ты когда нибудь садиться!
Входилоль въ мысль твою съ богами обхо-
диться,
И видѣть ихъ Олимпъ и райское село?
Поди и нескучай мнѣ болѣ кладовыми,
А Мурарей въ отвѣтъ:
Да перестань скучать расказами своими,
Хоть спорить съ Мухою охоты право нѣтъ,
Вольно о будущемъ тебѣ не суетиться;
Когда кудрявой Фебъ изволитъ удалиться,
Когда придетъ Зима,
Въ то время ты сама
Какъ тунѣядцы всѣ, замерзнешь,
И изчезнешь.
Тогда вкушу я плодъ, благодаря трудамъ.
Не будетъ нужды мнѣ скитаться по до-
мамъ.
Но, говоря съ тобой, теряю только время;
Мой трудъ мнѣ уголъ дастъ и дастъ на пи-
щу сѣмя.

Заяцъ и Лягушки.

Однажды Заяцъ трусъ уныло
Подъ хворостомъ сидѣлъ.
Всё то, кругомъ его что было,
Ему сомнѣнье наводило.
Онъ робко на кусты глядѣлъ,
И говорилъ: куды животное трусливо

На свѣтѣ нещастливо!
Вѣкъ не случалося, чтобъ сладко я поѣлъ.
Хотя погони нѣтъ за мною,
Когда сосну, то глазъ порядкомъ не за-
крою.
Пусть скажетъ мнѣ иной,
Что самъ моей печали я виной.
Пускай прибавитъ кто въ знакъ крайняго
пріятства,
Что надобно умѣть,
Собой владѣть,
Что худо попусту робѣть.
А я скажу въ отвѣтъ: на трусость нѣтъ
лѣкарства.
Съ рябины въ этотъ мигъ упалъ лис-
токъ.
Тутъ Заяцъ оробѣвъ, вздрогнулъ, съ посте-
ли скокъ,
И, ну улизывать безъ всякія причины,
Чрезъ горы и долины.
По берегу пруда бѣжалъ,
И землю рыхлую прыжками колебалъ.
Тогда лягушки всѣ отъ страха встрепетали,
Своимъ языкомъ лепетали,
Отъ грозна витязя желавъ себя спасать,
Въ пещеры темныя, ну въ запуски скакать.
Увидя Заяцъ мой смятенну рать,
Кичливо говорилъ я царство потрясаю,
И въ трепетъ привожу огромный строй.

Смотриже, Заяцъ сталъ герой.
Но храбрости своей причину знаю:
Вся тайна тутъ
Отъ труса трусы лишъ бѣгутъ.

Топоръ.

На берегу рѣки мужикъ дрова рубилъ.
Нечаянно топоръ свой въ воду уронилъ,
Онъ мучится тоскою,
И воетъ надъ рѣкою.
Прости топоръ, простите и дрова!
Пришло мнѣ утопать топоръ съ тобою.
Куда о бѣдная пойдешь ты голова?
Явился тутъ Меркурій ногокрылый,
И мужику сказалъ: за чѣмъ искать могилы?
Я пособлю тебѣ нещастный дровосѣкъ,
Я знаю дно глубокихъ рѣкъ:
Съ охотою спущуся,
И съ топоромъ твоимъ оттолѣ возвращуся.
Богамъ не мудрено нещастнымъ помогать.
Не сталъ Меркурій отлагать,
Въ рѣку. . . . и вытащилъ сѣкиру не простую,
Сѣкиру золотую.
Крестьянинъ говоритъ: не ту я потерялъ,
Моей, а нечужой ищу здѣсь траты.
Топоръ серебреной Меркурій показалъ.
Мужикъ: не спорю въ томъ, что топоры богаты,

Однако не мои. Меркурій вновь сныряль,
Железный наконець топоръ онъ вынималъ,
Вотъ мой топоръ, бѣдняжка закричалъ:
Ты мой отецъ, спасители мнѣ боги!
И у Меркурія цѣлуетъ ноги.
Пришла моя пора, есть рощу чѣмъ рубить,
Меркурій нехотя не благодарнымъ быть.
Ему всѣ топоры богатые вручаетъ,
И безкорыстіе его тѣмъ награждаетъ.
Сосѣди свѣдали о вѣсточкѣ такой.
Нерѣдко топоры свои теряли,
Молитвы теплыя не рѣдко возсылали,
Чтобы Меркурія съ высотъ небесъ
Ихъ топоровъ искать прислалъ Зевесъ.
Преклонны небеса вь минуту стали,
Меркурій вновь принесъ топоръ имъ золотой,
Не заикнувшися, всѣ закричали: мой!
За алчность гнусную Меркурій разсердился,
Не сталъ нырять въ рѣку,
Богатымъ топоромъ имъ далъ по тумаку,
И скрылся.
Когда богатствъ намъ боги не послали,
На что грустить о нихъ? доволенъ будь своимъ,
Не льстись чужимъ,
То проживешь безъ бѣдъ и безъ печали.

Городская и Деревенская Мышь.

Сосѣдку изъ полей Мышь въ городъ позвала:
Коверъ тамъ вмѣсто былъ стола,
А для слсатей фарфоръ, серебреныя блюда;
Хрустальная посуда.
Хозяйка на верьху услышавъ стукъ,
Безъ дальнихъ сборовъ вдругъ,
Съ любезной гостѣйкой отъ крайнія тре-
воги
Летѣли въ запуски, отколь взялися ноги.
Какъ успокоились, ей гостья предлагаетъ:
Приди въ поля, ко мнѣ,
Откушать безъ чиновъ, на единѣ.
Конечно роскошъ столь въ поляхъ не укра-
шаетъ,
Однако намъ за то никто не помѣшаетъ.
Тотъ вспомнитъ безъ труда о басенкѣ моей,
Кто жилъ когда — нибудь въ чертогахъ у
царей.

Старикъ и Три Молодца.

Старикъ семидесяти лѣтъ
Садъ началъ разводить. Три Юноши сказали
Ему: избавь себя заботы и печали;
Дождаться сихъ деревъ тебѣ надежды нѣтъ.
Брось Дѣдушка затѣи всѣ пустыя;
Пекися о душѣ, оставь другимъ
Надежду дальную и замыслы большіе.

То слыша старичекъ совѣтникамъ своимъ
Разумно отвѣчаетъ:
Все тихо здѣсь растетъ и скоро изчезаетъ,
Какъ то твердитъ не рѣдко лѣнь;
Но чаю у меня никто не отнялъ права,
Полезно провести оставтій въ жизни день.
Потомству моему труды мои — забава.
Я внучатамъ готовлю тѣнь.
Вы завтра мните жить; какъ можно поручиться,
Что завтра то опять къ намъ завтра возвратится?
Оно
Ни вамъ, ни мнѣ равно,
Повѣрьте въ крѣпость не дано.
Отъ всѣхъ закрытъ походъ на берегъ Ахерона,
Ни сроку назначать, ни дня не льзя учесть.
Случится, можетъ быть, что — на ладью Харона,
Мнѣ дряхлу старику удастся послѣ сѣсть.
Быть можетъ, что мой взоръ померкшій и унылый
Съ зарею встрѣтится надъ вашею могилой.
И подлинно случилось такъ:
Погибли юноши, одинъ дуракъ Влюбился,
И застрѣлился.
Другой ухлопанъ на войнѣ;

А третій жизнь скончалъ морей на днѣ.
Старикъ доколѣ живъ остался,
О нихъ воспоминалъ и сокрушался.

Туча, Гора и Куча.

Два шли прохожіе. Другъ другу такъ сказали,
Къ ночевкѣ свой склоняя разговоръ:
Сего дня нашъ походъ не будетъ споръ,
Вотъ туча впереди, и указали,
Какъ хлынетъ дождь, ударитъ громъ;
Бѣда итти пѣшкомъ!
Идутъ, и кропчутся, но бури невстрѣчали.
Гдѣ тучу видѣли, тамъ гору примѣчали,
И ну опять судить:
Трудненько будетъ намъ всходить,
У насъ ослабли ноги.
Идутъ; — однакожъ нѣтъ нигдѣ крутой дороги,
До мѣста добрѣли.
Гдѣ видѣли Кавказъ и бурю грозну,
Нашли —
Лишъ Кучу тамъ навозну.
Подобно мы
Заботой тщетною лишъ тяготимъ умы.
На что мечтать, что насъ постигнетъ время злое?
Пусть такъ, не лучше ль быть въ покоѣ,

Чѣмъ краткой жизни сей скользя по берегамъ,
Не рвать цвѣтовъ, печальнымъ вѣря снамъ?
Мечтатель бѣдъ себя на прасно безпокоитъ;
Воображеніе нерѣдко замки строитъ. —

Собака Родильница.

Собакѣ для родинъ потребна будка.
Покой себѣ найти не шутка.
Но Кумушка свою ей спальню отдала;
А та въ покой пришла,
И родила.
Хозяйка съ спросомъ къ ней учтиво въ рѣчь вошла,
Здоровыли сынки и дочки?
А въ мысляхъ, вонъ поди. . . . родильница отсрочки
Просила разъ, потомъ другой,
Отсрочки получаетъ.
Прошло три мѣсяца, родильница покой
Не покидаетъ;
Хозяйка говоритъ ей чистымъ языкомъ:
Изволька выбраться, отдай мой домъ.
Но тутъ родильница хозяйкѣ объявляетъ:
Поди и перестань шумѣть здѣсь о пустомъ,
Теперь я небоюся драки,
Мои щенки, уже собаки.
Хозяйка бѣдная слезами залилась,
Изъ дому своего вонъ далѣ поплелась.

Не одолжай коварныхъ,
Всегда не благодарныхъ. —

Орлица и Ворона.

Орлица дѣтямъ кормъ однажды припасла,
Барана жирнаго изъ стада унесла.
Ворона видя то, и думая сравниться
Съ Орлицею, кричитъ: такъ стало мнѣ подъ стать,
Любезныхъ дѣтушекъ баранами питать,
И славной кражей поживиться.
Пустилась стадо облетать,
Барановъ жирныхъ въ немъ щитать.
Барана жертвенна намѣтила Ворона,
Котораго во дни Сатурна, Аполлона,
Среди невѣжества вѣковъ,
Кормили имянно для устъ боговъ.
Ворона глупая, какъ всадникъ среди сѣчи,
Летитъ на жирну тварь, вцѣпилась прямо въ плечи,
И думала большой для дѣтокъ здѣлать пиръ,
Барань тяжелъ, увѣсистѣй, чѣмъ сыръ.
Ворона такъ вплелась въ шерсть длинну и кудряву
Барана своего,
Что не могла слетѣть съ него.
Тогда пастухъ нашелъ управу,
Ворону ухватя, отрѣзавъ крылья ей,

Отнесъ домой въ потѣху для дѣтей.
Къ чему склоняю смыслъ такова разговора?
Ворцшка не берись за кусъ большаго вора.—

Совѣтъ Мышей.

Былъ Котъ лихой. Когда въ полночку тишь
Мелькнетъ изъ норки Мышь;
То Васькѣ драчуну не дешево заплатитъ,
Ее въ минуту онъ подхватитъ.
Среди такихъ несносныхъ бѣдъ,
Всѣ мыши въ домѣ томъ сошлися на совѣтъ.
Въ совѣтѣ прежде всѣхъ свой голосъ подаетъ
Старуха, Мышь замысловата,
Какъ Димосфенъ, витіевата,
Кричитъ: Коту звонокъ извольте прицѣпить.
Когда въ походъ захочетъ Котъ ступить,
Узная по звонку Котово нападенье,
Получимъ отъ него утечкой мы спасенье.
Всѣ мышки въ запуски одобрили совѣтъ;
Однако прицѣплять звонка никто нейдетъ.
Совѣтникъ имъ сказалъ: въ насъ болѣ силы нѣтъ,
День каждый отъ Кота терпѣть нападки.
Звонокъ бы прицѣпилъ я самъ, да у меня,

Уже три дня,
Трясутся лапки.
Подобно у людей съ умомъ и безъ ума,
Проэктовъ тьма.
Взгляни, всё въ нихъ прекрасно, осторожно;
Лишь то бѣда, что ихъ исполнить не возможно.

Найденный топоръ.

Два Рускихъ мужика однажды въ торгъ ходили,
О барышахъ своихъ дорогою судили,
Идутъ: увидѣли лежитъ топоръ,
Одинъ его поднялъ, и говоритъ не въ споръ.
Изрядно,
Находка счастлива. Другой ему: ну ладно.
Намъ нуженъ былъ топоръ, и мы его нашли.
А тотъ не ты, а я примѣтить могъ въ дали
Сокровище такое,
И я его поднялъ, не доходя корчмы;
Такъ я одинъ, не двое.
Топоръ сталъ мой, оставь меня въ покоѣ,
И немѣшай не къ статѣ слова — мы.
Они безъ умолка кричали,
И доказательства взаимно расточали.
Кричавъ пришли въ село; тутъ больше вышелъ споръ,
Изъ этаго села пропалъ топоръ.

Крестьяне говорятъ: гдѣ вы топоръ стя-
нули?
Друзей толкнули,
Хотятъ вязать,
Въ судѣ примѣрно наказать.
Находчикъ топора: нашли его мы вмѣстѣ,
За этой вонъ горой въ такомъ то мѣстѣ.
Другой ему въ отвѣтъ:
Оставь меня въ покоѣ.
Ты прежде самъ кричалъ нашли топоръ не
двое; —
Такъ мнѣ въ побояхъ доли нѣтъ.

Мужъ и Яйцо.

Узнать хотѣлось Мужу,
Крѣпка ли на слово его жена;
Что болтовня она,
То вывесть удалось на ружу.
Мужъ ночью закричалъ хозяюшкѣ своей:
Увы! что здѣлалось съ головушкой моей!
Нещастный! я погибъ, о бѣдная супруга!
Насѣдку видѣшь ты, а не сердечна друга.
Я снесъ яйцо. Кто — ты?
Я точно. . . и сей часъ! пустякъ — мечты.
Сперьва не вѣрила, дивилась, хохотала,
Потомъ жалѣть, сердиться стала.
Въ успокоенье ей сказалъ тогду су-
пругъ.
Пожалуй помолчи объ этомъ милый другъ!

Она божилась, обѣщала,
И тайну сохранишь на вѣкъ,
Взялася какъ жена, какъ честный человѣкъ.
Лишъ Солнце на восходѣ,
Жена у завтрени въ приходѣ,
Сосѣдкѣ молвила о томъ,
Тайкомъ.
Ни съ кѣмъ неговори, мнѣ будетъ худо,
Коли раскажешъ ты про это чудо.
Сосѣдка говоритъ: не бось про то,
Не свѣдаетъ никто.
Однако кумушкѣ своей сблаговѣстила,
А кумушка тотъ часъ другимъ кумамъ;
Катится яицо по всѣмъ домамъ;
Велика болтовни на свѣтѣ сила.
Весь городъ въ мигъ узналъ,
Что мужъ насѣдкой сталъ.

Дворецъ Львовъ.

Могущій Левъ, четвероногихъ Царь
Указы распустилъ, чтобы съ поклономъ
Его Величества предъ трономъ
Явилась вся подвластна тварь.
Въ собраніе народно,
Дозволилъ въ свой дворецъ входъ подданнымъ свободно.
Какой дворецъ? несносна вонь.
Пришли: Тигръ, Барсъ, Медвѣдь, Лиса, Мартышка, Конь.

Звѣрей премножество и всякой примѣчаетъ,
Что во дворцѣ воняетъ.
Мѣдвѣдь всѣхъ прежде носъ и нозри затыкаетъ,
Примѣтя это Левъ его терзаетъ.
Мартышка хитрая кричитъ: достойна казнь!
Печется царскую достать себѣ пріязнь,
И утверждаетъ,
Что розы дышатъ тамъ и лиліи одни.
Самодержавный Левъ Нерону былъ съ родни.
Послалъ мартышку, обезьяну,
Учиться въ адъ обману. —
Потомъ пришелъ къ Лисѣ и ей на единѣ;
Скажи, чѣмъ пахнетъ здѣсь, скажи открыто мнѣ,
Повѣдай истину, я правды жажду.
Лиса въ отвѣтъ царю: три дни насморкомъ страждy. —

Коршуны и Голуби.

Среди воздушныхъ странъ, въ прошедши времена,
Горѣла страшная война;
Во угожденіе Плутона
Между крылатыми внесла раздоръ Беллона,
И случай встрѣтила збирать богату дань.
Тамъ лилъ кровавый дождь, тамъ возшумя крылами,

Свирѣпы Коршуны съ крючистыми носами,
И съ острыми кохтями,
Вели и ночь и день между собою брань.
Убитая собака
Причиною была, за что востала драка;
Но драка смертная, не хуже той,
Которую имѣлъ Римъ гордой съ Карфагеной.
Искувствомъ, храбростью, измѣной
Нерѣдко погибалъ огромный строй.
Свирѣпы ратники усердно убивали,
На трехъ стихіяхъ воевали.
Тогда нещастный Прометей,
Надежду получилъ спастись отъ ихъ ко-
стей.
Тогда другаго рода птицы,
Краса Венериной у Грековъ колесницы,
Смирилъ злыхъ Коршуновъ, родъ милый Го-
лубей.
Но худо Коршуны ему за то платили,
Спасителей своихъ гдѣ встрѣтили, — ду-
шили,
И цѣлый родъ чуть чуть неистребили.
Когда зло — нравные одни,
Военны межъ собой имѣютъ дни;
Пожалуй не мѣшай имъ драться;
Къ тебѣ привяжутся, лишь только поми-
рятся.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ,

ИЗЪ

ЛУЧШИХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ,

СТИХАМИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДРУГІЙ ВІДДІЛЪ,

ДЛЯ

ЮНОШЕСТВА СОЧИНЕНІЙ,

М М А Х Н Т О

К Н И Г А В Т О Р А Я.

КНИГА ВТОРАЯ.

Мѣшки Судебъ.

Я въ царствѣ Притченномъ такъ, какъ пче-
ла, летаю,
Читателей своихъ
Чужимъ умомъ питаю.
Не рѣдко видѣли въ стихахъ моихъ
Езопа, Федра и другихъ.
Признаться, что люблю я очень Лафонтена,
И вымыслы его стараюсь перенять;
Но то бѣда, и тѣмъ онъ горче хрѣна,
Что дара нѣтъ такъ ловко расказать.
Нѣтъ той веселости простой, чистосер-
дечной,
Нѣтъ откровенности разумной и безпечной,
Нѣтъ Стихотворческой затѣи, красоты.
Въ самомъ Парижѣ,
Сподвижники его хоть нѣсколько, а ниже;
Всё гладко, всё умно. Нѣтъ этой простоты,
Нѣтъ томной нѣжности и остроты,
Которая сердца въ Фонтенѣ восхищаетъ. —
Оставя ихъ прекрасныя мечты,

Я поищу себѣ для басенки примѣра,
У краткословнаго писателя Гомера.
Зевесъ,
Съ высотъ небесъ,
Искателя послалъ въ тѣ рѣдкіе чертоги,
Гдѣ всѣ сокровища скопили сами Боги:
Тамъ горы золота, тамъ знатные чины,
Тамъ смертныхъ разныя судьбы разложены;
Судьбы тяжелыя, на взглядъ прекрасны,
А въ существѣ несчасны.
Пошелъ искатель рыть, — и вырылъ Царскіи даръ.
Поднялъ, и удивляясь вѣсу,
Сказалъ: его носить въ мочь только Геркулесу.
Равно откинулъ прочь вельможъ судьбу,
Кичливости — рабу.
Сказалъ нашедъ судьбу героевъ:
Ахъ! нѣтъ — я не люблю кровавыхъ боевъ,
Я какъ хрусталь беречь привыкъ издавна кровь.
И вновь,
Увидя жемчуги, бездѣлицы алмазны,
Сокровища разнообразны,
Не тронулъ ихъ; — потомъ еще ходилъ:
Онъ легкую судьбу примѣтя ухватилъ.
Ей любоваться сталъ и взять на плечи хочетъ,

Зевесъ смотря на то хохочетъ,
И говоритъ ему: возьми согласенъ я;
Смотри по надписи, то собственно твоя,
Судьбина,
И жалобы твоей напрасная причина.

Орлица и Черепаха.

Не знаю я съ Орлицею вошла
Гдѣ Черепаха въ рѣчь, и ей урокъ прочла:
За чѣмъ дѣтей летать ты учишь,
Орлятокъ бѣдниньких зачѣмъ ты мучишь.
За чѣмъ летать въ эфиръ,
Когда отсель прекрасный видимъ міръ!
Повѣрь мнѣ, съ самаго начала свѣта,
Всѣ на земли бѣды родятся отъ полета.
Ползя,
Упасть не льзя.
Царица моего послушайся совѣта! . . . .
Орлица ей въ отвѣтъ: земной покинувъ шаръ,
Безъ крыльевъ полетя, пускай упалъ Икаръ.
Кто жъ мочныя крылѣ имѣетъ въ даръ,
Тотъ можетъ къ солнцу возвышаться. —
Постыдно Эйлеру полсти и пресмыскать-
ся. —

Пустынникъ и Почести.

Фортуну просьбами всѣ люди безпокоютъ,
Вездѣ ей храмы строютъ.
Да иначе не льзя, предметы всѣхъ страстей

Въ рукахъ у ней;
Однако молодецъ одинъ сыскался,
Который не весьма къ Фортунѣ прививался,
Хотя ни бѣденъ, ни богатъ;
Доволенъ былъ судьбою.
Что мудренѣй всего, доволенъ былъ женою,
И тѣмъ, что маленькой имѣлъ и домъ и садъ.
Въ Осенню темну ночь Фортуна поустала
Отъ дальняго пути,
Къ окну его пришла, и подъ окномъ стучала
Пожалуй ночевать пусти:
Со мною у воротъ тебѣ для возвышенья,
Богатство Крезово, чины и украшенья.
Хозяинъ отвѣчалъ: мнѣ нѣкуда дѣвать
Тебя съ аравою такою.
Во всемъ дому одна кровать,
И ту я берегу веселью и покою.

Риторъ и Болванъ.

Былъ странный человѣкъ
Который цѣлый вѣкъ,
Отъ краснорѣчія не зналъ себѣ покою.
Ученіе текло изъ устъ его рѣкою;
Гремѣлъ мой говорунъ
Такъ точно, какъ Перунъ.
Стоялъ болванъ въ лѣсу; передъ болваномъ
Витія чванится, какъ новой Цицеронъ,
Хотя пугаетъ лишъ воронъ,
Козло — глаголивымъ органомъ.

Кто риторъ, кто болванъ?
Узнай читатель!
Ораторъ мой несмысленный писатель;
Болванъ — глупцы,
Его нелѣпостей усердные чтецы.

Хлѣбъ и Собака.

Хлѣба несъ мужикъ укругъ;
Тутъ собака прилучилась,
Къ хлѣбу сердцемъ прилѣпилась,
И вертится вкругъ.
Будтобы нелестный другъ,
Гладить хлѣбникъ сталъ собачку;
Та найдя себѣ потачку,
И прельщаяся кускомъ,
То падетъ предъ дуракомъ,
То полижетъ языкомъ;
Наконецъ избравши пору,
Песъ нахальный скокъ,
Какъ прямому должно вору,
И схватя кусокъ,
Говоритъ: прощай дружокъ.
На такого пса похожи
Всѣ любовники, вельможи;
Но сказать безъ дальнихъ словъ,
Цѣлый смертныхъ родъ таковъ.
Насъ тогда лишъ величаютъ,
Какъ отъ насъ услуги чаютъ.

Буря и Воръ.

Не рѣдко мы хотимъ разпоряжать судьбой,
Хоть часто управлять не можемъ и собой.
Не рѣдко о пустомъ мы небу докучаемъ,
И Бога просьбою напрасной отягчаемъ.
Въ прекрасный лѣтній день мужикъ въ дорогѣ былъ;
Небесный лучъ, отрадной теплотою,
Всѣ существа живилъ;
Но вдругъ природы чинъ перемѣнилъ
Вулкановъ сынъ, пришедъ съ бурливою толпою,
И, вмѣсто солнечныхъ лучей,
Лился съ небесъ дождя ручей.
Блистаютъ молніи, удары слышны грома!
Мужикъ дождемъ скучалъ,
Сквозь зубы такъ ворчалъ:
О дождь! когдабъ не ты, теперь я былъ бы дома.
Бросая Богъ молніеносный громъ,
И управляя небесами,
Не знаетъ, каково таскаться въ дождь пѣшкомъ,
Съ поклажей за плечами. . .
Для плодоносія полей,
Дождилъ бы ночью онъ, на что средь красныхъ дней?
Мужикъ судьбу винитъ, на небеса пѣняетъ;

Но въ бокъ поворотясь, увидѣлъ между горъ,
Что прямо на него ружьемъ намѣтилъ Воръ,
Измокнулъ порохъ весь и не стрѣляетъ.
Спасенье отъ дождя Прохожій получаетъ.

Лавръ и Маслина.

Лавръ Маслинѣ однажды говорилъ:
Меня царемъ деревъ Юпитеръ сотворилъ,
И награжденіе любимцевъ Аполлона.
Мила для всѣхъ Лавровая корона:
Народовъ властелинъ, мудрецъ, герой
Желаетъ всякъ сорвать листочикъ мой.
Когда громами Зевсъ вселенну потрясаетъ,
Меня не ужасаетъ;
Не знаютъ никогда
Безсмертные листы вреда.
А Маслина въ отвѣтъ: ты славенъ, я любезна;
Лавръ древо тщетное, а Маслина полезна.
Я самъ
Готовъ то подтвердить лже — мудрецамъ,
Которыхъ честные не украшаютъ нравы;
Безъ добродѣтели нѣтъ истинныя славы.

Роза или Любовь.

Въ прекрасный лѣтній день,
Въ которой спалъ Борей, Зефиры лишъ играли,
И разстилалася вечерня тѣнь.

Мы двое по саду съ пріятелемъ гуляли,
Съ нимъ о любви я разсуждалъ
И утверждалъ,
Когда два сердца ощущаютъ,
Взаимной жаръ,
Прямое щастіе тогда они вкушаютъ;
И словомъ даръ любви, первѣйшій въ свѣтѣ
даръ.
Не станешь ты хвалить влюбленныхъ
доли,
Пріятель говорилъ:
Иль ты не испыталъ еще неволи,
И своенравія красавицъ не сносилъ,
За ихъ вины у нихъ прощенья не просилъ.
На Розу предо мной растущу,
Я указалъ,
И тѣмъ сказалъ,
Что вижу въ ней любовь цвѣтущу;
А онъ въ отвѣтъ:
На стеблѣ кажется всегда прелестенъ
цвѣтъ,
Сорви его! Бѣгу сорвать прекрасну Розу,
Но чтожъ? едва за лозу,
Схватился я;
Рука моя
На тернъ попала,
И уязвленна стала.

Грабитель.

Чужихъ сокровищей любитель,
Извѣстный въ древности Лукуллъ грабитель,
Такой себѣ построилъ домъ,
Что мудрено его мнѣ описать перомъ.
Онъ прежнихъ всѣхъ друзей къ обѣду,
На знатную бѣседу,
Въ великолѣпные чертоги пригласилъ.
Смотрите, братцы, я какъ прежде жилъ,
И нынѣ какъ живу, кичливо говорилъ.
Въ отвѣтъ ему друзья отвѣсили иные:
Конечно у тебя всё вещи дорогія,
Но только не твои, чужія.
Когда стиховъ Творецъ,
Не зная своего искуства, правилъ,
Изъ разныхъ лоскутковъ творенія составилъ;
Кто скажетъ, чтобъ онъ былъ творенія отецъ?
Выкрадывать стихи не важное искуство,
Украдь Корнелевъ духъ, а у Расина чувство.

Щука и Уда.

Щука Уду проглатила,
Отъ того въ тоскѣ была. —
И рвалася и вопила,
Близь ее Плотва жила,

Вопрошаетъ щуку:
Мнѣ кума повѣдай муку,
Рветъ которая тебя.
Ненавижу я себя, —
Щука отвѣчаетъ:
Все меня здѣсь огорчаетъ,
И въ другую я рѣку,
Плыть хочу прогнать тоску.
Ни съ какою
Ты рѣкою,
Кумушка покою,
Вѣкъ не можешь получить;
Хоть и въ морѣ станешь жить, —
Естьли внутренность терзаетъ,
Щастье изчезаетъ.
Насъ тревожитъ каждой часъ,
Совѣсти немолчный гласъ.

Ворона и Соловей.

Орфея красныхъ рощъ, по Руски соловья,
Ворона нѣкогда бранила,
И говорила:
Тебя не хуже я.
Скажи, чѣмъ славенъ ты, гдѣ крылушка, гдѣ сила?
Вся птичка, — съ ноготокъ!
Меня не удивитъ твой нѣжной голосокъ;
Не нужно никому искать твоей пріязни.
Орлица тутъ летѣвъ въ посредство ихъ вошла,

Воронѣ въ голову щелчокъ дала.
Щелчокъ вельможеской, Ворона умерла.
А съ лаской соловью: тебѣ не будетъ казни,
(Орлица говоритъ) тому виной,
Прелестный голосъ твой
Живи и пой.

Щастье у Дверей.

Большіе города Фортуна посѣщала,
И утомясь въ пути, къ деревнѣ подошла.
Деревня вся спала,
И дверь на запертии у всѣхъ домовъ была.
Одна хозяюшка, услыша стукъ, смѣкаетъ,
И отворя окно, хозяина толкаетъ:
Проси, вставай скорѣй,
Тотъ глупъ, къ себѣ кто щастья не пускаетъ;
Вотъ само Щастіе у нашихъ ждетъ дверей!
Однако дурачекъ ни какъ не торопился,
Покуда всталъ, покуда нарядился,
Покуда подошелъ къ дверямъ;
А щастія какъ не бывало тамъ.
Оно къ другому,
Перебѣжало дому.
Коль щастіе къ тебѣ заѣдетъ невзначай,
Смотри! скорѣй его встрѣчай.

Фебъ и Діана.

Луна, кичася блѣднымъ свѣтомъ,
Изволитъ толковать съ своимъ совѣтомъ:

Хочу свѣтить по днямъ, какъ Аполлонъ,
Я Фебова сестрица:
Я не племянникъ Фаэтонъ.
Свой выѣздъ у меня, кони и колесницы,
Съ небесъ я не слечу.
Луной была и Солнцемъ быть хочу. —
Короче заключить: предъ братними лучами
Въ Іюлѣ около полдней,
Своихъ поставила Діана такъ коней,
Что Фебъ у ней,
Остался за плечами,
И самъ не видитъ зги, ни неба, ни морей.
Но чѣмъ все кончалось? затменье миновалось,
И солнце во струяхъ, какъ прежде любовалось.
А про Діану всѣ узнали, что она
Черна,
И свѣтъ у брата проситъ,
Когда унылый лучь приноситъ.
Не рѣдко мы, взошедъ на высоту,
Свою на ней лишъ кажемъ черноту.

Волкъ, Зароастровъ Жрецъ.

Волкъ Зороастрово ученіе любилъ,
Огонь усердно чтилъ.
Всѣ звѣри мудреца хвалой превозносили,
Что онъ пророкъ и святъ, всѣ въ запуски гласили,

У мудреца просили,
Кто долгихъ лѣтъ, кто денегъ, кто невѣстъ,
Мы ищемъ для земли знакомства горнихъ мѣстъ.
Лиса старинная пріятельница Волку,
О будущей судьбѣ своей развѣдать толку,
Кь нему пришла,
И вотъ какъ разговоръ о просьбѣ завела:
Хочу всѣ шалости покинуть,
Хочу не дать душѣ погибнуть.
Зачѣмъ невинныхъ мнѣ губить?
Возможно хлѣбъ достать и ближняго любить. —
Ты знаешь, что тебѣ кума всегда покорна,
Пріятна, ласкова, привѣтлива, проворна;
Желаетъ заслужить почтеніе и честь,
И сладкіе кусочки ѣсть.
Ты тайну небеси, какъ азбуку, читаешь,
Скажи, что о моей судьбѣ ты заключаешь?
Когда Лиса въ число поступитъ баръ;
То будетъ ли тогда къ ней милосердъ Левъ царь?
Пусшынникъ отвѣчалъ: огонь мой вверхъ стремится,
Легко имъ кедръ и дубъ изкоренится.
Равно такъ у царей большой сіяетъ свѣтъ;
Но вмѣстѣ съ нимъ большихъ ты ожидай и бѣдъ.

Статуя и Солнце.

Венеру изъ воску искусникъ слилъ,
Статую милую друзьямъ всѣмъ выносилъ,
Которые его усердно посѣщали,
Искусника труды друзей всѣхъ восхищали.
Искусникъ возгордясь,
Статую на показъ,
На площади поставилъ;
Но Фебъ лишъ лучь направилъ,
Статую растопилъ тотчасъ.
Творцы! ласкателямъ не поддавайшесь,
Но Критики лучей всегда остерегайтесь.

Сократъ.

Сократъ себѣ въ Афинахъ строилъ домъ,
Но домикъ маленькой. — Узнавъ о томъ,
Надъ мудрецомъ,
Афиняне всѣ начали смѣяться
И говорить ему: вотъ умныхъ умъ людей!
Какъ въ эту хижину ты пригласишь друзей?
Сократъ въ отвѣтъ: друзья въ чуланѣ умѣстятся.

Фортуна и Шелехи.

Мы ищемъ всѣ, спросите всѣхъ людей,
Чиновъ, богатствъ, честей,
И ежели не поимаемъ тѣни,
Кто будетъ виноватъ? Фортунѣ пѣни...
Случилось, Господинъ

Былъ средственно богатъ, имѣлъ середній
чинъ,
Онъ честенъ, скроменъ былъ и человѣкъ до-
стойный.
Но только лишъ о томъ и тосковалъ,
За чѣмъ не лучше прочихъ сталъ,
Твердилъ: сосѣдъ глупецъ, однако милліоны
Считая въ сундукѣ, попалъ въ Бароны.
Иной Министръ — иной и Генералъ,
А я другихъ чѣмъ хуже?
Питая мысль одну день всякой туже,
Хотѣлъ попасть въ число Фортуниныхъ
друзей,
Продавъ имѣніе, настроилъ кораблей.
Эолъ и Аквилонъ дохнули,
Суда всѣ потонули.
Мой плаватель надѣвъ и саблю и каскетъ,
Фортуну преклонить желаетъ средь по-
бѣдъ;
Но что жъ съ Беллоною за тѣмъ онъ рас-
квитался,
Что безъ ноги и безъ креста остался.
Поѣду ко двору: Фортуна вѣрно тамъ,
Гоняется за нею по пятамъ.
И душу и лицо разъ по сту въ день ломаетъ,
Фортуны все не поимаетъ.
Фортуна, сжалившись, сказала такъ ему:
Не виновата я, что носишь ты суму.

Поди за мною въ храмъ, сокровища открою;
По волѣ я твоей судьбу твою устрою.
Вотъ деньги, вотъ чины, что хочешь, выбирай. —
Искатель возмечталъ, что онъ попался въ рай,
Глазами всѣ мѣшки окинулъ;
Которой всѣхъ грузнѣй, рукой подвинулъ,
Не думала ему Фортуна помѣшать;
Однако мой бѣднякъ ошибся тутъ опять,
Отъ радости въ немъ сердце билось,
Когда тяжелый взялъ мѣшокъ; случилось,
Что шелехи въ мѣшкѣ. — А мой совѣтъ.
О томъ не тосковать, къ чему случая нѣтъ.

Солнце и Молнія.

Однажды Молнія такъ солнцу говорила:
Смотри, какую часть судьба мнѣ подарила,
И сами небеса
Трепещутъ моего явленія часа;
Ломаю гордый кедръ, волную дальни воды.
Я громомъ разразить могу подземны своды;
Престань являть, о Солнце! ты
Свои прелестныя и кроткія черты.
Я лишъ блесну — твои померкнутъ красоты.
На пышну рѣчь сію ей Солнце замолчало —

И тѣмъ лишъ отвѣчало,
Что на небѣ не видно стало тучь,
Оно пустило лучь.

Индѣйской Пѣтухъ.

Индѣйской, не простой Пѣтухъ,
Кричалъ пернатымъ вслухъ:
Придите поглядѣть, какъ пѣтухи летаютъ,
Пущаюсь странствовать, извольте, я готовъ.
Но крылья, не смотря на тьму хвастливыхъ словъ,
Безумцакъ небесамъ совсемъ не поднимаютъ.
Есть много и у насъ такихъ же пѣтуховъ;
Хваля полубоговъ,
Являютъ лирики такую намъ отвагу,
Кричатъ, въ эфиръ парю, но съ мѣста ниже шагу.

Курица Слѣпая и Зрячая.

Ослѣпла Курица. — А какъ она
Была досужна и умна;
То ощупью по тѣмъ мѣстамъ бродила,
Гдѣ прежде кормъ въ минуту находила.
Трудилась ревностно, скребла,
И доставала хлѣбъ, но сыта не была.
Причина явная . . . . моя несушка
Искусно лапками отроетъ въ мигъ зерно,
А въ ротъ не попадетъ оно;

У Курицы слѣпой была подрушка,
Глазами зрячая, а нравомъ весела,
Лишъ землю рыть со всемъ не удала.
Слѣпую Курицу, какъ тѣнь, сопровождала,
И всѣ ея труды нахально похищала.
Коль басенку сію помѣщики прочтутъ,
Слѣпою Курицей, я чаю, назовутъ
Оратая, кому назначено судьбою,
Глубоко землю рыть сохою.
Когда случилось такъ; старайтесь богачи
Своихъ кормильцевъ вы не отягчать судьбины;
Давайте имъ сухарь, ѣдите колачи.
На что заграбить всё, гдѣ полно половины?

Шахматы.

Въ большую въ Шахматы игрокъ
Давалъ товарищамъ урокъ.
Всѣ знатоки его искуство прославляли;
Когда окончится игра,
Домой пора.
Довольно Шахматы вы по доскѣ гуляли,
Довольно мастера собою забавляли.
Кони, Слоны и Фирсъ пойдутъ въ одинъ мѣшокъ.
Всѣ люди Шахматы, надъ ними есть игрокъ.
Превосходительства рабовъ лице играютъ;
Потомъ въ урочный часъ всѣ равно умираютъ.

Убранства гордости, кичливыхъ имена
Поглотитъ вѣчность лишъ одна.

Туча и Два Друга.

Два Друга по саду галяли,
Благоуханіемъ цвѣты ихъ услаждали;
То было въ лѣтни дни.
Увидѣли они,
Что небо потемнѣло,
Другъ другу говорятъ: то даромъ не пройдетъ;
Скажу я смѣло,
Ты тучу видишь ли? она бѣду несетъ.
Что будетъ съ зеленью? что будетъ съ нашимъ садомъ?
Она побъетъ весь хлѣбъ, жестокимъ градомъ.
Зерна не принесешь домой.
Всѣ земледѣтели предъбудущей зимой,
Пойдутъ съ сумой.
Напротивъ, милой мой,
Другъ другу отвѣчаетъ:
Богатство туча обѣщаетъ.
Она съ дождемъ; а дождь, увлажа нивы,
Озолотитъ всѣ здѣшнія поля;
Смотри, что дастъ намъ въ этотъ годъ земля,
Когда мы будемъ не лѣнивы!
Богатой принесетъ намъ туча урожай.

Анбары, житницы заранѣй умножай.
Одинъ нахмурился, другой скакать пустился.
Угадчикъ каждой въ міръ мечтанья пресе-
лился.
Тотъ думалъ, что повезъ хлѣбъ сжатой въ
торгъ тогда;
Другой оторопѣлъ, какъ бы въ дверяхъ бѣда.
Всякъ настоялъ на мнѣніе любимо.
Но что же сдѣлалось? прошла вся туча мимо.

Совѣтъ и Женихъ.

Несчастенъ тотъ, въ комъ постоянства
нѣтъ,
Котораго царь умъ ведетъ,
Не столбовой дорогой.
Одинъ молодчикъ былъ влюбленъ;
Попался въ плѣнъ
Пріятной дѣвушкѣ и не убогой.
Чтобъ увѣнчать любовь, женихъ пошелъ
къ роднѣ,
Совѣта попросить о будущей женѣ.
Родня его кричитъ: Купецку дочь возьми,
Ты будешь царствовать между людьми.
Не надобно ума, а нужны милліоны,
Будь голова пуста, но полны сундуки,
Безъ денегъ умницы, повѣрь мнѣ, дураки.
Червонцы и рубли всему даютъ законы;
Ты въ моду попадешь, ты попадешь въ игру,

Въ знакомство съ знатными, и можетъ, ко двору,
Съ богатствомъ, господамъ первѣйшимъ будешь другомъ,
Поѣдешь цугомъ;
И словомъ, ежели не будешь ты богатъ; —
Не знай моихъ воротъ, ты мнѣ ни сватъ, ни братъ.
А послѣ рѣчи сей, къ тщеславному оттолѣ,
Женихъ опять скачи;
О деньгахъ, деревняхъ ни слова болѣ;
Тамъ новый смыслъ и рѣчь, тамъ пенты и ключи;
Богатство истинно, — о нихъ похлопочи.
Съ людьми, не съ деньгами потребно быть на свѣтѣ;
Имѣй вельможество одно въ предметѣ.
Вельможи въ мірѣ всё. — Вельможескій поклонъ,
Важнѣе, нежель милліонъ.
Старайся съ знатными женою породниться;
Повѣрь, что надобно для чина лишь жениться.
Такой совѣтъ влюбленному жестокъ,
Худой въ роднѣ увидя прокъ,
Пошелъ къ пріятелю; — пріятель былъ вздыхатель,
И красоты нелестный почитатель.
Пріятель Селадонъ,

Даетъ совсемъ иной законъ:
Любовь и красота царица міра,
Предъ ней ничто порфира,
Ничто сокровище, — одинъ прекрасный взглядъ,
И слово нѣжное всѣ чувства восхитятъ;
Ищи красавицы во всѣхъ концахъ вселенной,
И наслаждайся съ ней любовью вожделенной. —
Друзья совѣтники конечно хороши; —
Но лучше спрашивай совѣта у души.

Мечь Наполеона.

Въ камомъ то городѣ, виновникъ слезъ и стона,
Кровавый мечь Наполеона,
Стоя въ углу себя хвалилъ.
Примѣтя шпагу тутъ, ей грозно говоритъ:
Какъ рядомъ смѣешь быть, лѣнивица, со мною?
Когда горятъ Беллонины огни,
Приказные одни,
Здѣсь украшаются тобою,
Знакъ тщетной почести! . . . Ты не товарищь мнѣ,
Какъ Тигръ ловить звѣрей, — привыченъ я къ войнѣ.
Я многолюдныя сражалъ успѣшно силы,
Обширныя поля преобращалъ въ могилы;
Не рѣдко въ красны дни, въ величіи моемъ,
Игралъ съ блистающимъ я солнечнымъ лучемъ

И въ трепетъ приводилъ безстрашные на-
роды.
А ты что сдѣлала, отягощенна сномъ?
Ты тлѣла, ржавѣла. Гдѣ слава, гдѣ походы?
Смиренница въ отвѣтъ: храня любовь,
Крушилась я о тѣхъ, кто, злобствуя, лилъ
кровь,
И ею обагрилъ луга, селенья, воды.
Жить, признаюсь, люблю въ отрадной ти-
шинѣ;
Хоть ржавина и есть; но крови нѣтъ на мнѣ.

Левъ и Мудрая Змѣя.

Левъ Царь скотовъ, то есть четвероногихъ,
Былъ мудръ, богатъ, имѣлъ прекраскую
жену.
Какъ наблюдатель правилъ строгихъ,
Любилъ ее одну.
Царямъ и пастухамъ бываютъ дни прекра-
сны,
И дни ненастны.
Царица умерла, а царь льетъ токи слезъ,
И ревомъ горестнымъ глушитъ всечастно
лѣсъ.
Придворные тогда придворно поступили,
Печальному царю внушили,
Что много на землѣ искуснѣйшихъ врачей,
Что для правителя звѣринаго народа,
И чудо произвесть должна природа.

Царь Левъ послушался такихъ рѣчей.
Утѣшась, ободрясь привсталъ съ постели.
Гонцы его межь тѣмъ повсюду полетѣли.
Привозятъ мудреца; мудрецъ была змѣя,
И говоритъ царю. беруся я,
Искуствомъ оживить души твоей царицу,
Прекрасную супругу львицу.
Успѣха вѣрнаго отъ словъ моихъ ты жди,
Лишъ трехъ щастливцевъ мнѣ въ землѣ твоей найди,
Которые бъ не знали,
Съ тѣхъ поръ какъ родились, бѣды, ниже печали;
Безъ дальняго труда,
Царицу оживлю тогда.
Премудро царствуя во славѣ,
Царь мнилъ, счастливцевъ тьма въ его державѣ;
Ихъ всюду сыскивать отправилъ онъ гонцевъ.
Гонцы летаютъ,
Вельможъ и богачей хватаютъ;
Привозятъ ко двору героевъ и купцовъ,
Привозятъ мудрецовъ.
Не тутъ то сдѣлалось. Никто не воскресаетъ.
Печаль отъ времени удобно погасаетъ.
Случилось это и со Львомъ.

Чрезъ годъ потомъ,
Со львицею другой онъ бракомъ сочетался.
Щастливыхъ не найдя, щастливымъ самъ остался.
Пускай великъ сей свѣтъ;
Нѣтъ человѣка въ немъ, кто бъ вѣкъ провелъ безъ бѣдъ.

Замокъ и Ключь.

Замокъ расхвастался: я другъ и стражъ людей;
По милости моей,
Они спокойны, безопасны.
Гдѣ я, тамъ всѣ труды грабителей напрасны.
Но ключь замку въ отвѣтъ:
Нѣтъ пользы отъ замка, когда ключа въ немъ нѣтъ.
Вы оба мнѣ подвластны,
Кричитъ рука,
Я вождь ключа, я царь замка.
Ключемъ верчу и управляю,
Обоихъ славу я на свѣтѣ составляю.
То слыша человѣкъ, сказалъ, вашъ споръ пустой,
Я дѣйствую рукой.
Замокъ, рука и ключь вы правитесь всѣ мною.
Безвѣстный голосъ тутъ ко смертному кричалъ:

Скажи, кто дѣйствуетъ тобою?
Услыша сей урокъ, кичливецъ замолчалъ.

Жрецъ Юпитеровъ.

Всѣ знаютъ, кто Зевесъ. Небесный сводъ дрожалъ,
Когда онъ, разсердясь, бровями помавалъ.
То былъ Афинскій громовержецъ,
Юпитеръ, царь боговъ, воздушный самодержецъ,
Имѣлъ олтарь, жреца;
А жрецъ двухъ дочерей прекрасныхъ,
Достойны дочери кумира и отца,
Который нѣкогда, не тратя словъ напрасныхъ,
Обѣихъ дочерей ударилъ по рукамъ.
Невѣстъ и жениховъ привелъ къ кумиру въ храмъ;
И двѣ дѣвицы,
Въ минуту молодицы; —
И стали жить, какъ было въ старину.
Тамъ мужъ любилъ жену,
Жена не отлетала;
Не много лѣпетала.
А мужъ?
Былъ ласковъ, тихъ, работать дюжъ.
Чего же болѣ?
Ужъ времени текло, какъ полгода и долѣ.
Безъ дочекъ наконецъ,

Соскучилъ жрецъ.
Сперва къ большой приходитъ,
И говоритъ: какъ мужъ съ тобою дни проводитъ,
Какъ Зевсъ благословилъ, какъ всѣ идутъ дѣла? —
Но дочка въ радости, но дочка весела,
Отца благодаритъ, а мужа превозноситъ,
И объ одномъ родителя лишъ проситъ:
Не льзя ли, батюшка, подъ часъ,
Вамъ доложить кумиру,
Чтобъ онъ дождилъ побольше міру.
Погода теплая худой барышъ для насъ;
Надъ огородишкомъ мой мужъ трудится,
Не зрѣютъ огурцы, капуста не родится.
А дождь всегда,
Животвореніе для всякаго плода.
Плоды во знайные дни вянутъ, погибаютъ,
И ихъ у насъ не покупаютъ.
Изволь любезна дочь, ей жрецъ сказалъ,
О томъ Юнитеру промолвить обѣщалъ.
Но обѣщаніе до времени оставилъ,
Къ другой онъ дочкѣ путь направилъ,
И той вопросъ. И та въ отвѣтъ,
Что щастливѣй ее, жены на свѣтѣ нѣтъ.
Другія жалобы меньшая произноситъ,
Та солнышка уже, погоды теплой проситъ
Горшечникъ мужъ ея, не сохнутъ въ дождь горшки.

Пожалуй батюшка избавь насъ отъ тоски:
Вели всѣ облака ты распустить кумиру,
Безъ грома, безъ дождей пріятнѣй будетъ
міру.
Теперь по нуждѣ мы сушимъ горшки въ печи,
Пускай сушатъ ихъ солнечны лучи! . . .
Качая головой, жрецъ дочкѣ отвѣчаетъ:
Ты молишь солнышка, сестра дождя желаетъ.
Не лучше ль васъ мнѣ дочки согласить,
И бога не просить?

Дитя и Орѣхи.

Въ чуланѣ былъ кувшинъ; въ кувшинѣ что?
Орѣхи.
Кувшинъ въ окружности широкъ, со входу
малъ.
Ребенокъ нѣкогда въ чуланъ вбѣжалъ,
И сталъ,
Пригоршней цѣлою, безъ всякія помѣхи,
Хватать Орѣхи.
Пригоршня у него набита такъ была,
Что и рука пролесть назадъ ужъ не могла.
Вотъ жадности урокъ и неудачь причины.
Дитя и взрослой чиловѣкъ,
Не скажутъ вѣкъ,
Довольно половины.

Пузырь.

Шелъ дождь, и отъ дождя сталъ малый
океанъ;
На этой лужицѣ однажды великанъ,
То есть большой пузырь родился,
И загордился,
Кричитъ: я богатырь,
Я царь пузырь.
Узнай читатель,
Ты рокъ рожденнаго отъ капли водъ царя. . . .
Поднялся вѣтръ, не стало Пузыря.
Писатель,
Который изъ невѣждъ составилъ свой кру-
жокъ,
Мечтаетъ, что онъ сталъ братъ музамъ и
божокъ.
Приходитъ Критика, даетъ ему щелчокъ,
Онъ въ мигъ очутится пустой рифмоспле-
татель.

Левъ и Его Совѣтъ.

Самодержавный Левъ, звѣрина царства Титъ,
Для счастья подданныхъ, любилъ сіянье вла-
сти,
Чтобъ зло скорѣй пресѣчь, предъупредить
напасти,
Звѣрямъ о пользахъ ихъ совѣтовать велитъ.
Всѣ звѣри покланясь, Лисы, Мартышки, Волки

Вступили въ толки.
Волкъ прежде всѣхъ судилъ о псахъ,
Что должность ихъ быть вѣчно на ча-
сахъ,
И словомъ: пастуховъ безъ малыя пріязни,
Совѣтовалъ подвергнуть лютой казни.
Доклада Волкова причина и конецъ,
Желанье сохранить овецъ.
Тутъ Крыса съ голосомъ: всего опаснѣй ко-
шки,
Не могутъ насъ спасать подполицы, луко-
шки.
Всѣмъ кошкамъ, Царь, войну изволь ты объ-
явить.
А пастуховъ зачѣмъ давить,
Кого они тревожатъ?
Совѣта всякаго таковъ конецъ.
Желаетъ брани Марсъ, а мирныхъ дней ку-
пецъ,
Лишъ пустословіемъ совѣты множатъ,
Придутъ и прокричатъ, и ни на чемъ по-
ложатъ.

Золотая Уда.

Рыбакъ хотѣлъ разбогатѣть,
Досталъ, не знаю гдѣ, оставя неводъ, сѣть,
Онъ уду не простую,
Но золотую.
Богатой удою своей,

Довольно наловилъ и щукъ и окуней.
Потомъ вздремнулъ, и слабою рукою,
Держалъ онъ Уду надъ водою!
Рукою рыбака Зефиръ пошевелилъ,
Златую удочку въ рѣку спустилъ.
Простись на вѣкъ, рыбакъ, ты съ Удой золотою.
Завоеватели! отъ побѣжденныхъ дань,
Того не возвратитъ, во что вамъ стала брань.

Слонъ и Змѣя.

Удѣльный князь, великорослый Слонъ,
Въ Европѣ посѣщалъ различныя державы;
Всѣ Европейскіе обычаи и нравы,
Онъ полюбя равно какъ и уставы,
Сказалъ: лишъ возвращусь въ свои дубравы,
Хочу Слоновый я прославить тронъ,
Хочу всѣмъ развязать и умъ и руки,
Ввести правленіе, науки.
И подлинно такъ сдѣлалъ онъ.
Тогда къ Слону со всѣхъ сторонъ,
Различны звѣри налетѣли.
За чѣмъ? чиновъ и мѣстъ себѣ хотѣли.
Мѣдведь сказалъ Слону: я къ истиннѣ привыкъ,
Хочу сидѣть въ расправѣ;
Дѣла хочу вершить къ твоей безсмертной славѣ,

Мѣдведь въ судебникѣ, повѣрь, не ученикъ.
Лиса играть лицо хотѣла Дипломата,
А Бѣлка говоритъ: велика ль плата?
Я стану при дворѣ торжественно плясать.
Имѣя сердце Конь геройско,
Хотѣлъ колоннами устроить войско,
Отъ нападенія Слоновый тронъ спасать.
Мартышка быть желала музыкантомъ.
Тогда къ Слону ползетъ Змѣя;
Шипитъ, свѣтлѣйшіи Князь, умѣю жалить я.
Ей Слонъ въ отвѣтъ; голубушка моя,
Не надобна способность намъ твоя,
Коли угодно, будь пожалуй, Пасквилантомъ.

Волкъ.

Какой то Волкъ,
Въ походѣ былъ у Льва подъ гнѣвомъ,
За то, что пропустилъ сквозь лѣсъ барановъ полкъ.
Левъ злобный царь и страшенъ зѣвомъ;
Но Волка пощадя, издалъ указъ,
Сослать его скорѣй прочь съ царскихъ глазъ;
А чтобы запереть пути всѣ Волку къ славѣ,
Велѣлъ присутствовать съ Лисицею въ расправѣ.
Лисица говоритъ:
Какой Лисицамъ стыдъ,

Что въ ихъ собраніе безумца посадили.
Мы Льву ничѣмъ не досадили,
Дѣла по формѣ всѣ судили.
Когда же этотъ скотъ,
Работать не умѣлъ зубами;
Сидя между судьями,
Какой онъ головой принесть намъ можетъ плодъ?

Табашникъ и Борей.

Мужикъ табакъ мололъ предъ воротами,
Когда Борей свирѣпыми устами,
Дубы кичливы потрясалъ.
Борей Богъ очень строгой,
Летя своей дорогой,
Дохнулъ по воздуху, табакъ на вѣтръ посслалъ.
Мужикъ, увидя то, сталъ убираться въ сѣни,
Борею дѣлая ужасны пѣни.
Борей ему: дуракъ!
Пожалуй не брани напрасно за табакъ;
Но знай, что естества блюдя законы,
Не внявши частные табашниковы стоны,
Я здѣлалъ зло тебѣ, но блага милліоны.

Уборный Столикъ и Письменной.

Европы на краю, гдѣ женщинъ запираютъ,
Гдѣ часто знатные большіе господа,
До срока умираютъ,

И гдѣ не продаютъ хмѣльнова никогда,
А имянно въ Царь — градѣ,
На рынокъ вынесли въ продажу два стола.
Одинъ уборный былъ, подобіемъ стекла,
Красавицъ, щеголихъ служилъ къ отрадѣ;
А на другомъ текли важнѣйшія дѣла,
Визирь, котораго не давно удавили,
На немъ писалъ вседневно по утрамъ,
Въ диванѣ грамотки, указъ къ господарямъ.
На рынкѣ столики въ сосѣдствѣ оба были.
Визирской Секретарь,
Привыкнувъ презирать важнѣйшихъ баръ,
Съ уборнымъ столикомъ повелъ себя спѣсиво,
И говоритъ хвастливо:
На мнѣ,
Не разъ объявлено объ мирѣ и войнѣ;
Я войска отправлялъ и снаряжалъ всѣ флоты;
Державамъ причинялъ не малыя заботы,
Что сдѣлалъ я, того ты не видалъ во снѣ.
Сосѣдикъ мой! улыбка и румяны,
Измѣна и обманы,
Вотъ всѣ твои дѣла.
Уборный столикъ тутъ: мой другъ, твои ошибки
Я часто поправлялъ; моей улыбки
Не можетъ повѣсть быть скучна или мала;
Султаньша милая султана принимала,
На единѣ со мной.

И миромъ и войной
Спросяся у меня, всегда распоряжала;
Безсонница иль тѣнь не свѣжаго лица,
Могли остановить и дѣло и гонца.
Мы рядомъ здѣсь съ тобой въ отставкѣ.
О нашихъ подвигахъ нѣтъ нужды болѣ въ справкѣ, . . .
Гдѣ добродѣтели и нравовъ нѣтъ,
Гдѣ тяготитъ корысть вельможей и придворныхъ,
Тамъ должно ожидать отъ столиковъ уборныхъ,
Великихъ бѣдъ.

Два Волка.

Былъ Фебъ сердитъ и жаркими лучами,
Такъ землю раскалилъ, какъ мы дома печами.
Все чахло, сохнуло, — и мурава
Чуть чуть была жива;
Твореніе лишалось соковъ;
Лягушекъ земли всѣ и множество ключей,
И множество потоковъ,
Полями сдѣлались отъ солнечныхъ лучей.
Тогда былъ маленькой ручей,
Сокровищъ всѣхъ дороже;
Два Волка жадные хотѣли пить,
И души злобныя отъ смерти искупить;
Нашли они ручей иль на ручей похоже.

Вода была,
Гдѣ тихо каплями струя еще текла;
Томимы жаждою почти во гробѣ,
Бѣгутъ въ ужасной злобѣ,
Другъ друга не хотятъ пустить туды,
А оба пить хотятъ воды;
Остатками ея могли напиться оба;
Но злобѣ покорясь они,
У самыхъ водъ скончали дни.
Имъ зависть лютая дверь отворила гроба.
Такъ зависть смертнаго лишаетъ здѣсь утѣхъ;
Довольно радостей въ натурѣ есть для всѣхъ;
Тѣ воды кажутся намъ сладки и прекрасны,
Когда другихъ уста ихъ вкуса не причастны.

Двѣ Печальныя.

Въ нашъ развращенный вѣкъ, въ желѣзны времена,
Чувствительность не впрямъ погребена.
Какъ сердце нѣжное страдальцамъ помогаетъ,
Мнѣ басенку о томъ вихрь суеты являетъ.
Красавица, когда пришла весна,
Въ чертоги роскоши и милы и прохладны,
Гдѣ тѣнію богатые сады,
Прозрачные пруды,
Безмолвны рощицы и цвѣтики нарядны,—

Въ свой загородный домъ зоветъ друзей.
Друзья пріѣхали. — Природа и искуство
Плѣняютъ чувство.
Все Елисейскихъ имъ являетъ видъ полей,
Тамъ радости цвѣтутъ и нѣтъ печали,
Пошли съ хозяйкою всѣ гости за обѣдъ.
Въ то время къ нимъ слуга идетъ.
О всѣхъ докладывать вы приказали;
Нещастна женщина пришла, велитель ждать?
Пусти ее скорѣй, хозяйка закричала,
Минуту щастливу я въ жизни повстрѣчала,
Мнѣ радостнѣй всего страдальцамъ помо-
гать.
Просительница ей сказала со слезами:
Сколь часть моя жалка, увидите вы сами,
Убитъ мужъ на войнѣ, вотъ пятеро дѣтей.
Щедротою честныхъ людей,
Насущный хлѣбъ едва имѣю.
Хозяйка ей въ отвѣтъ: я снабдѣвать умѣю,
Всѣ гости въ запуски хотятъ вдовѣ помочь,
Кто сына бралъ къ себѣ, кто дочь,
Кто мужнинъ выпросить окладъ сулился,
Кто крѣпость дочерѣ на землю дать гро-
зился;
Межъ тѣмъ бѣжитъ туда,
Собачки барской нянька,
Служанка,
И воетъ и кричитъ, Сударыня, бѣда.
Нанета бѣдная среди пруда,

Какъ ключь ко дну, и потонула.
Хозяйка слыша то, заплакала, вздохнула,
Упала въ обморокъ. Пошла тревога, шумъ,
Ничто не идетъ хозяюшкѣ на умъ;
Кричитъ: постыло всё, ничто не мило въ свѣтѣ,
Весь домъ велю зажечь.
Хозяйка къ городу летитъ въ каретѣ,
Сулители за ней — перемѣнилась рѣчь.
Тотчасъ всѣ гости сплыли,
Несчастную забыли.
Собачки маленькой конецъ,
Остановилъ полетъ чувствительныхъ сердецъ.

Мудрецъ и Крестьянинъ.

Портика гордый ученикъ,
Который чванился кудрявыми словами,
И мнилъ, что съ древними сталъ въ рядъ онъ мудрецами,
Лишъ потому, что зналъ отъ части ихъ языкъ,
Крестьянину сказалъ: нѣтъ равенства межъ нами.
Я предъ тобою царь.
Тебѣ дано лицо и руки;
Но не дано души, то есть, науки.
Ты жалкая на свѣтѣ тварь.

Коль люди, жители громады пышной свѣта,
Имъ вѣдать надобно порядочно свой домъ.
Потомъ
На обще житіе когда мы обратимся,
Науки пользою и болѣе прельстимся.
Она, какъ честно жить, покажетъ намъ за-
конъ.
Скажи, слыхалъ ли ты, кто былъ Сократъ,
Платонъ,
Монтань и Пуфендорфъ, Сенека и Солонъ?
То правда мнѣ сказалъ ты, баринъ, новы вѣ-
сти;
Про имена высокихъ тѣхъ господъ
Не только я, и весь не слыхивалъ приходъ.
У насъ свой толкъ о чести.
Несчастнымъ помогать умѣемъ такъ, какъ вы;
Красно расказывать не станетъ головы.
Намъ за сохой ходить не надобно науки.
Для баръ такъ хорошо отъ скуки,
О мудрости напрасно хлопотать;
Довольно въ свѣтѣ книгъ, умѣи лишь въ
нихъ читать.
Деревья, звѣри, птицы,
Учители мои и мастерицы:
Какъ на быка смотрю, учусь терпѣнью я,
Трудолюбивымъ быть у муравья.
Вотъ, баринъ, грамота моя!
Рука, которая насъ жизнью подарила,
Пріятный солнца лучь отъ обоихъ не скрыла.

Мы рѣдко говоримъ про совѣсть и законъ;
Но часто дѣлаемъ, чему васъ учитъ онъ.

Золото.

Зевесу смертные молитвы приносили,
И Золота себѣ просили.
Петребно нищему построить уголокъ,
А богачу докласть затѣянны палаты,
Иному должникамъ для платы,
Тому купить умѣренный чинокъ.
Какъ ныньче водится, водилось такъ и прежде,
Всѣ смертные живутъ на счастіе въ надеждѣ.
Юпитеръ самъ собой то дѣло не рѣшилъ,
Собрать совѣтъ боговъ въ минуту поспѣшилъ,
Собравшимся сказалъ: Мнѣ уши прожужжали,
Всѣ жители земли.
Кричатъ: о Царь боговъ! внемли,
Не много золота съ Олимпа удѣли.
Я людямъ пособить желаю въ сей печали.
На что здѣсь золото, не нуженъ этотъ соръ;
Не имъ счастливъ боговъ соборъ,
Всѣ боги дали знакъ согласія рукою,
Манерва лишъ одна качала головою,
Хоть не послушался ее Зевесъ.
Онъ приказалъ съ небесъ,

На землю низпустить рѣкъ золотыхъ про-
ливы,
Пусть будутъ смертные счастливы:
Польется золото и день и два,
Не болѣ.
То были точныя Зевесовы слова,
И такъ записаны Олимпа въ протоколѣ;
Лишъ только сказано; то хлопъ
Червонцевъ на землю потокъ.
Изволилъ отворить Плутусъ всѣ бочки.
Почтенны праотцы въ то время безъ от-
срочки,
Подъ дождь пустились золотой;
Червонны прелести пригоршнями хватали,
И не устали.
Ну право то неложь, не вымыселъ пустой,
Подагра, параличь и старости морщины,
Бредутъ по золото, несутъ съ собой кув-
шины,
И наконецъ нѣтъ нищихъ на земли.
Всѣ Крезы сдѣлались, Лидійски короли.
Но даже и тогда, когда урочно время
Прошло;
Не сыто смертныхъ племя,
Подъ дожжикъ золотой всегда текло.
Нагнуться стоило, вчера съ небесной тучи,
Червонцевъ сыпалися кучи.
Ахъ! нѣтъ, желаніевъ неограниченъ край!
Пускай я сытъ, богатъ, еще таки давай!...

Смѣяться сказочкѣ напрасно,
Мы сами дѣлаемъ здѣсь это повсечасно.

Нарцисъ.

Сидѣлъ Нарцисъ прекрасный
На берегу, гдѣ ключь прозрачный, ясный,
Журча, по камнямъ протекалъ.
Нарцисъ въ струяхъ сихъ водъ свое лицо
встрѣчалъ;
Несчастный юноша въ себя,
влюбился,
Онъ разумъ погубя,
Подобно мѣсяцу вь потокѣ углубился,
И кончилъ жизнь свою у милыхъ водъ.
Скажу я строго,
Нарцисовъ таковыхъ не только въ свѣтѣ
много;
Но въ гибельный источникъ тотъ,
Едва ль не весь глядится смертныхъ родъ! . .

Расинъ и Прадонъ.

Когда Расинъ, Прадонъ
Изволили ступить за грозный Ахеронъ,
То есть, когда скончались;
Вседневно рядышкомъ случались.
Но не они; а сочиненья ихъ.
Мнѣ кажется, не нужно много толку.
Попали на одну мои Поэты полку. —

Толкаться начали, какъ бутто бы въ живыхъ.
Я только розницу въ томъ нахожу большую,
Что въ ризу облекли Прадона золотую,
А трогатель сердецъ, Расинъ былъ въ коркѣ,
И на одной съ соперникомъ доскѣ.
Въ Прадонѣ злоба не уснула,
Онъ ссорится, кричитъ: что видишь наконецъ,
Ты ноль, я образецъ.
Межъ тѣмъ свирѣпа смерть въ домъ этотъ заглянула,
И книгъ хозяина съ лица земли слизнула;
Обѣихъ трагиковъ на рынокъ отнесли.
Купцы пришли,
И всѣ кидаются на книгу въ переплетѣ;
Но лишъ успѣютъ развернуть,
Кричатъ, хорошъ, кому захочется соснуть.
Прадонъ? О это враль извѣстный въ свѣтѣ.
Прадоновъ рокъ
Вѣкъ цѣлый въ лавкѣ гнить, хорошъ мышамъ кусокъ.
Расина напротивъ въ минуту подхватили;
И деньги серебромъ безъ торгу заплатили.
Богатой книги переплетъ,
Есть въ жизни счастливый Поэтъ,
Которому за Мадригалы,

И за стихи на опахалы,
Плетутъ красавицы безсмертія вѣнецъ.
На долго ли его, скажите, станетъ,
Случится, что вѣнокъ завянетъ,
Пока въ живыхъ творецъ.

Прохожій и Собака.

По Невской нѣкто шелъ, чтобъ видѣться
съ любезной,
Или хотѣлъ смотрѣть въ театрѣ драммы
слезной,
Иль вѣсти разносилъ;
Но какъ бы ни было, прохожій мой спѣшилъ.
Собака выбѣжавъ, въ пути ему мѣшаетъ,
По всюду суется и лаетъ;
Собаку ту никто не унимаетъ.
Спокойно пѣшеходъ свой продолжаетъ путь,
Не хочетъ палкою собаки оттолкнуть.
Сабака наконецъ устала,
И отъ прохожаго отстала.
Худой не рѣдко журналистъ,
Зоильствомъ наполняя листъ,
Облаетъ всѣхъ, и никому не вреденъ,
Онъ злобою богатъ, умомъ и вкусомъ бѣденъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ,

ИЗЪ

ЛУЧШИХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ,

СТИХАМИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Лягушки, просящія Царя.

Лягушки нехотятъ, какъ Якобинцы
жить;
Всѣ вѣрой, правдою хотятъ царямъ служить;
Толкуютъ, что негодно
Правленіе народно:
Какъ жить безъ головы? и свѣтъ, вѣкъ
цѣлый свой,
Идетъ не самъ собой!
Умно Лягушки разсуждали,
Юпитера всечасно утруждали,
Чтобъ имъ царя послалъ.
Тогда съ небесна свода,
Со стукомъ Царь, въ среду квокочуща
народа,
Упалъ.
Увидя то сварливый,
И глупый и трусливый,
Болотистый народъ,
Сталъ жаться къ берегамъ, бѣжа простран-
ства водъ.

Лягушки робкія не смѣютъ любоваться
Царемъ своимъ.
Опасно имъ
Къ его чертогу приближаться.
Но взапуски кричатъ: намъ Царь на славу
данъ.
А самодержецъ ихъ — сосновой былъ чур-
банъ.
Межъ тѣмъ одна Лягушка осмѣльчала,
Къ Царю проворно подбѣжала,
И слова не сказавъ, въ осоку отплыла.
Потомъ и всѣ Царя не трепетали,
Иныя съ просьбами свободно подступали,
Иныя на спину къ нему скакали.
Но тутъ опять молва пошла,
Опять за своевольство;
Опять на небеса посольство:
Юпитеръ ты послалъ бездушную намъ тварь;
Не только что она не улыбнется,
Ниже не ворохнется! —
Намъ бойкой нуженъ Царь.
Юпитеръ слыша то, Аиста къ нимъ от-
правилъ,
Который былъ однихъ съ Наполеономъ пра-
вилъ;
Одну Лягушку въ лобъ, другую въ
носъ,
Той казнь, четвертую въ до-
просъ.

Въ полгода времяни Лягушекъ родъ убавилъ.
Опять къ Юпитеру: тотъ Царь чрезмѣрно
тихъ,
Другой несносно лихъ.
Юпитеръ ихъ молчать заставилъ,
Сказавъ, за чѣмъ квакушамъ наровить?
Коли незлобной Царь не могъ вамъ угодить,
Умѣйте съ етимъ жить.

Учитель и Ученикъ.

Гдѣ разумъ надобно показывать дѣлами,
Напрасно красными словами
Тамъ будемъ щеголять.
Учитель нѣкогда пошелъ гулять,
И стадо съ нимъ Латинско.
Тамъ прудъ случился близко;
Одинъ шалунъ
Упалъ туда, гдѣ царствуетъ Нептунъ.
Ребенокъ чуть не захлебнулся;
Учитель встрепенулся,
Бѣжитъ на мѣсто то, гдѣ мальчикъ утопалъ,
И вдругъ ученику давать уроки сталъ,
Наборомъ словъ презвучныхъ, пре-
богатыхъ,
Ни мало нещадя фигуръ витіеватыхъ.
А тотъ, спаси мнѣ жизнь мою,
До скажешь послѣ рѣчь ученую свою.

Волкъ и Пастухъ.

Безъ Пастуха увидя стадо Волкъ,
Хотѣлъ въ полонъ схватить барановъ цѣлый полкъ.
Не знаю, гдѣ слизнулъ, но говорятъ, при стадѣ
Явился онъ въ пастушечьемъ нарядѣ;
Бичемъ похлопывалъ, и наконецъ
Погналъ, куда хотѣлъ овецъ.
Межъ тѣмъ Пастухъ ко стаду возвратился,
И не найдя его, за стадомъ въ слѣдъ пустился,
Которое нагнать въ кустахъ успѣлъ;
Гдѣ мнима пастуха исправно такъ раздѣлъ,
Что кожу снялъ съ него, и пѣсенку запѣлъ.
Не хочетъ разума грабитель слушать;
О чемъ и говорить!
Ему овечку мало скушать,
А надо стадо проглотить.

Журавль и Рыбки.

Имѣя длинный носъ и длинну шею,
И ноги долгія, Журавль бродилъ,
И берегъ ручейка спѣшилъ
Измѣрять тихою прогулкою своею.
То было въ красный день. отъ Солнечныхъ лучей,

Прозраченъ, свѣтелъ былъ ручей,
И видны въ немъ и рыбъ и рыбочекъ ста-
ницы.
Позыву не было тогда у стража птицы,
Простой уклейкою желудокъ наполнять.
Журавль мой чванится, изволитъ разбирать;
Снѣтковъ и пискарей спокойно отпускаетъ,
Онъ мелкой ряпушки для завтрака желаетъ.
Сказалъ, по берегу гуляя ручейка,
Не много подожду. — День цѣлый дожидался,
Проголодался.
Тогда Журавль не сталъ ждать сладкаго
куска,
И очень, очень радъ, что скушалъ червячка.
Богатой! жди судовъ съ заморскими плодами,
Но прежде кушай то, что подъ руками.

Пѣтухъ и Лисица.

Пѣтухъ боецъ
Сидѣлъ какъ на часахъ, на деревѣ высокомъ.
Бѣжала тутъ Лисица не нарокомъ. —
Увидя Пѣтуха кричитъ: я здѣсь гонецъ,
Спѣшу миръ возвѣстить, и учредить гра-
ницы;
Любезной вѣдай кумъ, что Пѣтухи, Лисицы
Теперь между собой и братья и сестрицы.
Сойди ко мнѣ, я кума обойму;
А ты ласкай куму;
Бѣгу весь край спокоить.

И торжества устроить.
Пѣтухъ Лисѣ: постой,
Я вижу близь тебя пята съ пятой,
Лѣтятъ собаки,
И вѣрно не для драки,
А миръ торжествовать;
Мы станемъ въ запуски другъ друга цѣловать.
Лисица отъ собакъ трухнула,
И Пѣтуху болтнула:
Мнѣ эту вѣсть
Скорѣе надобно разнесть.
Бѣжитъ, что мочи есть.
Когда Лиса ушла, Пѣтухъ смѣялся,
Что ухитрясь, въ обманъ плутяги не попался.

Два Пѣтуха.

Любовь проказница свѣтъ цылый безпокоитъ,
Вездѣ напасти строитъ.
Хотя Омирово то дѣло, не мое —
Погибла Троя отъ нее;
Тамъ кровь самихъ Боговъ лилась рѣками.
Вотъ басня Федрова: жилъ въ мирѣ съ Пѣтухами
Одинъ Пѣтухъ; — насѣдка къ нимъ пришла,
Элена новая раздоръ въ сердцахъ зажгла.
Случись двумъ Пѣтухамъ въ нее влюбиться,

Не могутъ межъ собой они ужиться.
Лишь розовой рукой
Отворитъ солнцу дверь Аврора;
У Пѣтуховъ начнется ссора,
Которая всегда окончится войной.
Одинъ Пѣтухъ, хранимъ судьбою,
Прогналъ другаго съ бою;
Побѣду пѣснями торжествовать хотѣлъ, —
На побѣдителя Орелъ слѣтѣлъ,
Давнулъ когтями; —
Пѣтухъ нашъ мрачными, безвѣстными путями,
На Стиксъ пошелъ гремѣть любовными дѣлами!
Честолюбивецъ злой побѣдой не гордись,
Среди торжествъ паденія страшись.

Волкъ и Собака.

Былъ тощій Волкъ, — такъ тощъ бѣднякъ,
Что кожа у него да кости.
Конечно въ томъ краю держали злыхъ собакъ,
Чтобъ непускать Волковъ къ баранамъ въ гости.
Вдругъ съ Волкомъ встрѣтилась изъ тѣхъ сабакъ одна;
Собака та была собой росла, жирна,
Ну посмотрѣть всѣмъ любо;

Такъ Волку обойтись не можно съ нею грубо; —
Съ зубастымъ не всегда удачлива война. —
Волкъ оказалъ Собакѣ доброходство,
Хвалилъ ея дородство;
Она: почто моей завидуешь судьбѣ?
Такое щастье Волкъ достанется тебѣ,
Лишь только пожелай, покинь дубровы,
Гдѣ филины живутъ суровы.
Твои всѣ земляки
Глотаютъ бѣдные куски,
И тѣ не даромъ.
Вѣкъ цѣлый хлопочи, дерись съ великимъ жаромъ.
У насъ совсѣмъ не то, не надо воевать;
Поди, Волчекъ, со мной, поди королевать;
Волчекъ ей отвѣчалъ: за знакъ спасибо дружбы;
Но прежде мнѣ скажи, любезная моя,
Какъ лѣсъ покину я;
Какой потребуетъ твой баринъ службы.
Собака говоритъ: нѣтъ службы ни какой!
Ласкайся къ барину, потомъ ночной порой;
Съ сумой и безъ сумы съ проворными руками,
И съ долгими ногами;
Гоняй ты отъ воротъ
Весь лакомой народъ.

За то какой просторъ, приѣдутъ сами въ гости,
Цыплятъ и рябчиковъ преузорочны кости.
Волкъ обезпамятѣлъ, отъ радости рыдалъ,
Блаженствомъ будущимъ прельстился;
Однако на пути Собаку вопрошалъ,
Примѣтя вытертую шею:
А это отъ чего спросить я смѣю?
Собака не хотя, да стала отвѣчать:
Ни малаго нѣтъ дива,
Я нѣсколько сварлива;
То отъ побой меня стараяся спасать,
Днемъ держатъ на цѣпи, чтобъ не могла кусать;
При томъ и для того, чтобъ днемъ я почивала,
И ночью бы воровъ не прозѣвала.
Опять Собакѣ Волкъ: въ толь счастливой судьбѣ
Позволенольъ гулять тебѣ?
Церберъ молчитъ, а Волкъ далеко къ лѣсу рыщетъ,
Съ потерей вольности богатствъ не ищетъ.

Леопардъ и Козелъ.

Какой то Леопардъ великолѣпно жилъ:
Въ лѣсуль или у рѣки, когда звѣрей встрѣчаетъ,

На ужинъ, на обѣдъ къ себѣ ихъ приглашаетъ,
И Леопардовъ домъ гостями полонъ былъ.
Какими? Леопардъ все звалъ богатыхъ,
Медвѣдей, на примѣръ мохнатыхъ,
Зубатыхъ псовъ,
Воловъ
Рогатыхъ.
А прочіе звѣрки,
Комолые дружки,
Безъ платы на него исправно работали,
А хлѣба, соли не видали.
О праздникахъ такихъ пошла молва и шумъ,
Всѣ гости сытые кричатъ: каковъ нашъ кумъ,
Твердятъ, что Леопардъ большой имѣетъ умъ,
Что добръ и хлѣбосолъ, что мастеръ веселиться,
Со всѣми радъ своимъ богатствомъ подѣлиться.
Козелъ тогда сказалъ: могу я согласиться,
Что мотъ нашъ Леопардъ, и хочетъ раззориться.
Онъ только тѣхъ и кормитъ, и поитъ,
Кто можетъ безъ него быть дома сытъ.
Вамъ лакомки мою я басню посвящаю,
И вопрошаю:

Богатые столы, потѣшные огни,
А особливо въ долгъ, къ чему они? —

Кормчій и Матросы.

Матросы, ободрясь сіяніемъ лазури,
Скакали въ радости ужасной послѣ бури.
А Кормчій имъ: нельзя быть малодушнымъ
намъ
Ни къ радости, ниже къ бѣдамъ.
Премѣна всякой часъ является въ натурѣ. —
Въ погоду солнца жди, — готовься къ вёдру къ бурѣ.

Земляная Ласточка.

Одинъ звѣрокъ, злодѣй
Мышей,
Собою тонкой, длинноватый,
Любилъ опустошать не каменны палаты,
Но скромны житницы и клети мужичковъ,
Примѣтя скважину въ анбарѣ межъ столбовъ.
Въ нее хоть не свободно,
Однако безъ труда пролезъ;
Тамъ грызъ, кусалъ и кушалъ, какъ угодно.
Прибавился въ звѣркѣ черезъ недѣлю вѣсъ,
И сытъ, и жиренъ сталъ, надулись щоки;
Но скуча жить одинъ збирается домой,
А хочетъ рѣдкою въ анбаръ ходить порой.
Бѣда, что двери не широки;

Онъ мечется по всѣмъ угламъ.
Головку сунетъ здѣсь, толкнется лапкой
тамъ,
Все съ толщиной его ни мало не совмѣстно,
И проходить з ѣрку вездѣ ужъ тѣсно.
Въ досадѣ говоритъ: я помню какъ теперь,
Съ недѣлю времени была здѣсь дверь,
И я въ нее вошелъ, не съ неба я свалился.
Мышенокъ отвѣчалъ, который тутъ слу-
чился;
Ты залѣтевъ сюда, попалъ на званой пиръ,
Коль хочешь выходить, спусти свой пре-
жде жиръ.
Читатель! не прочти ты этаго расказу
Тому, кто смѣнится съ богатаго приказу.

Оселъ Хозяинъ и Собачка.

Хозяинъ въ милости собачку содержалъ,
И ей лизать себя подъ часъ не запрещалъ.
На бархатной она подушкѣ почивала,
И космы у нее служанка завивала.
Оселъ увидѣлъ то,
Ушами хлопъ, и говоритъ: я что?
Ни чемъ Собаки я не хуже;
Всегда работаю, всегда на стужѣ;
Но люди ни когда за трудъ не наградятъ;
Лишь тѣ, которые въ глаза глядятъ,
Понравятся и угодятъ,

У нихъ тѣ только и счастливы.
Всѣ люди прихотливы. —
Оселъ, своимъ умомъ,
Увѣрясь въ томъ,
Какъ милинькой прыгнулъ хозяину на шею;
И завизжалъ: къ тебѣ ласкаться, баринъ,
смѣю; —
Ну Барина лизать широкимъ языкомъ.
Слуги Боярина отъ друга свободили,
А длинноухаго безъ дальнихъ ссоръ,
На скотный дворъ,
Дубиной проводили.
И всякой какъ Оселъ, останется смѣшонъ,
Затѣя то, къ чему съ природы нерожденъ.

Влюбленный Левъ.

Коль будетъ мой расказъ читателю пріятенъ;
Мнѣ нужды нѣтъ,
Что онъ покажется не очень вѣроятенъ;
О немъ молва грѣмитъ ужъ много лѣтъ.
Міръ старъ, — но часто побасенка
Его такъ тѣшитъ, какъ ребенка.
Мнѣ это разсказать далъ Федръ совѣтъ:
Левъ гордый полюбилъ не львицу,
А милую собой, прелесную дѣвицу,
И свахъ прислалъ къ отцу,
Просить ее къ вѣнцу.
Отецъ не очень соглашался,

Отказомъ Льва прогнѣвать опасался,
А бракъ такой сверша, сгубить боялся дочь.
Но Левъ страдаетъ
И день и ночь,
Рѣшенія о бракѣ ожидаетъ.
Невѣстинъ батюшка тогда пустился въ лесть,
И зятю намѣкалъ, твой бракъ велика честь;
Но когти львовы, зубы
Для дѣвки молодой не множко грубы.
Коль согласишься ихъ отрѣзать, вырвать прочь;
Тогда твоей — моя съ охотой будетъ дочь.
Левъ сильно такъ влюбился,
Что въ мигъ на всѣ условья согласился.
Безъ зубъ и безъ когтей для милой сталъ жены,
Какъ крѣпость безъ стѣны.
Съ смычковъ собакъ спустили
И Льва угомонили,
Не объявя войны.
Ни мало дива нѣтъ, любовь нешутка; —
Гдѣ говоритъ она, — не спрашивай разсудка.

Левъ на войнѣ.

Желая Левъ предъ цѣлымъ свѣтомъ
Себя и свой превознести народъ,

Военнымъ повелѣлъ совѣтомъ,
Звѣрямъ итти въ походъ.
Намѣреніе Льва въ совѣтѣ утвердили,
Гдѣ зборному быть мѣсту положили,
И должности звѣрямъ опредѣлили.
Вотъ роспись всѣмъ чинамъ: обозный слонъ,
Всѣ тягости вести былъ долженъ онъ.
Самъ Левъ и Тигръ подъ нимъ, силъ пѣшихъ предводитель.
Мѣдведь при крѣпостяхъ осады учредитель.
Лисицѣ велѣно ковъ ратной вымышлять;
Мартышкѣ шшуками враговъ увеселять,
Чтобъ ихъ чрезъ то отъ брани удалять.
Осла и зайчика изъ списковъ изключили,
Что не способны были.
Оселъ по глупости болтливъ,
А зайчикъ черезъ чуръ трусливъ.
Но Левъ сказалъ: намъ въ подвигѣ великомъ,
Потребенъ самъ оселъ своимъ нелѣпымъ крикомъ;
Онъ будетъ на враговъ страхъ, трепетъ наводить;
А заяцъ мой приказъ въ отряды разносить.
Коль Царь даръ мудрости имѣетъ,
Онъ всѣхъ употребить по мѣрѣ силъ умѣетъ.
Всѣ въ дѣлѣ у него,
Нѣтъ лишнихъ ни кого.

Болванъ и Богомольцы.

Болванъ пожалованъ среди Эллады въ
Боги,
Воздвигнутъ былъ олтарь, поставленъ
жрецъ,
Готовы и мольбы отъ искреннихъ сердецъ.
Текутъ толпы людей, и кланяются въ ноги,
Всѣ просятъ, кто зимы, кто лѣтня дня,
Одинъ воды, другой огня.
Кадятъ Болвана въ носъ, и кровь отъ жер-
твы льется,
Болванъ болваномъ остается.
Молельщики молить соскуча пня,
На смѣхъ народу;
Болвана своего спѣхнули въ воду,
Сказавъ: коль ты не могъ на высотѣ бли-
стать,
Преступника разить, невиннаго спасать,
Изволь въ пучинѣ утопать.
Пусть рѣдко, иногда бываютъ и вельможи
На этого Божка похожи. —

Волкъ и Журавль Лекарь.

Вельможа Волкъ однажды заболѣлъ,
Не осторожно ѣлъ,
И костью подавился.
Повѣстку Волкъ даетъ: тотъ будетъ ми-
лой гость,

Изъ горла Волкова кто вынетъ кость.
Искусникъ былъ Журавль, тотчасъ явил-
ся.
Приходитъ онъ
И длиннымъ носомъ,
Изъ горла кость вытаскиваетъ вонъ.
По томъ съ запросомъ:
Дай плату мнѣ. А Волкъ не чивъ,
Врачу сказалъ: ты будь и тѣмъ щаст-
ливъ,
Что вышелъ самъ изъ горла живъ.

Откупщикъ и Сапожникъ.

Нахальстомъ откупщикъ своимъ,
Всей биржей овладѣлъ. Лишь слово ска-
жетъ,
На сахаръ быть цѣнѣ высокой онъ прика-
жетъ,
Церберъ таможенный овечка передъ нимъ.
Казалось, откупилъ сокровища онъ свѣта.
Великолѣпный столъ, преславная карета,
Все было у него;
Недоставало одного,
Бездѣлки — ни чего. . .
Съ Морфѣемъ откупщикъ простился,
И сна пріятнаго лишился. . .
Когда уляжется на пышную кровать,
На ней онъ можетъ лишъ дремать,
И цѣлу ночь вертѣться и зѣвать.

За откупъ откупщикъ хоть много денегъ
слупитъ,
На рынкѣ сна не купитъ.
При томъ лишь на зарѣ богачь глаза сомк-
нетъ,
Сосѣдъ не дастъ уснуть и пѣсни запоетъ.
Сосѣдъ откупщиковъ ни воинъ, ни оратай,
Простой ремесленникъ, Сапожникъ не бога-
той;
Но весельчакъ такой,
Что лѣтомъ и зимой,
По утру, ввечеру, за ужиномъ, къ обѣду,
Шлетъ музыку свою къ богатому сосѣду.
Однажды Откупщикъ Сапожника призвалъ,
И рѣчи съ нимъ завелъ: тебѣ Богъ щастье
далъ,
Ты веселъ, все поешь, но это мнѣ не диво,
Работа сходитъ съ рукъ щастливо;
О чемъ и быть въ тоскѣ,
Коль денежки всегда готовы въ сундукѣ.
Скажи мнѣ, сколько ты получишь въ годъ
дохода?
Сапожникъ отвѣчалъ: Богъ за труды даетъ. —
Дохода вѣрнаго и денегъ лишнихъ нѣтъ,
Равно какъ и долговъ при окончаньи года.
Услыша то, сказалъ ему богачь:
Сосѣдъ не плачь.
Тысенца у меня въ сегоднишнемъ есть зборѣ,
Возьми ее себѣ сей часъ въ канторѣ;

Но лишь смотри моихъ не размотай рублей,
На прасно не держи, — для нужды ихъ жалѣй.
Схватя казну, откупщиковымъ садомъ,
Счастливъ, какъ Крезъ, Сапожникъ мой,
Съ богатымъ кладомъ,
Лѣтитъ домой.
И возмѣчталъ, что онъ озолотился, —
О деньгахъ суетился,
Сосѣду спать ужъ не мѣшалъ,
И самъ не много спалъ.
Сапожника корыстолюбье мучитъ,
Веселье съ деньгами онъ вмѣстѣ схоронилъ,
Всечастно ихъ стеречь ходилъ.
Мечтаетъ, воръ идетъ, какъ кошка замяучитъ. —
Потомъ къ откупщику опять приходитъ онъ,
И говоритъ: тебѣ я деньги возвращаю,
Себѣ по прежнему веселости желаю;
Возьми свой кладъ, отдай мнѣ пѣсенки и сонъ.

Змѣя и Пила.

Лѣжала на столѣ у слѣсаря пила,
Невѣдаю за чѣмъ туда змѣя пришла.
Но тамъ увидѣла, что Солнышко лучами,
Разнообразными цвѣтами,
Рѣзвясь съ Пилой,

Являло намъ Пилу въ одеждѣ золотой.
Бѣда завистнику смотрѣть на блескъ такой,
Змѣя бросается, Пилу ту гложетъ;
Но повредить не можетъ.
Пила сказала ей: оставь ухватки грубы,
И пощади себя, мой свѣтъ.
А мой сатирику отвѣтъ:
Брани мои стихи, когда тебѣ не любы.

Левъ больной и Лисица.

Царь Левъ недомогалъ, однакожъ онъ
Всѣмъ отворилъ своихъ чертоговъ двери,
И объявилъ, что могутъ звѣри
Ходить къ больному на поклонъ.
Услыша то, текутъ звѣрей станицы,
Лишь нѣтъ одной Лисицы.
Тогда ей говоритъ сосѣдъ:
За чѣмъ нейдешь къ Царю ты на обѣдъ.
Лиса сказала такъ: еще успѣю;
При томъ я малинько сомнѣньице имѣю.
А имянно, мой свѣтъ,
Протоптаны дороги,
Къ Царю въ чертоги;
Но отъ чего назадъ слѣдовъ ни мало нѣтъ;
Боюсь того, — вить здѣсь не могутъ насъ подслушать, —
Что посѣтителей больной изволитъ кушать.

За добычей бродить не можетъ Левъ,
А кто къ нему придетъ, раскроетъ зѣвъ.

Ескулапій и Больной.

Мужъ болѣнъ и трусливъ, жена хоть не глупа,
Была скупа.
Больной о помощи врачей всѣхъ просить,
И Ескулапію за жизнь подноситъ
На жертву сто быковъ.
Скупая въ обморокъ отъ тѣхъ ужасныхъ словъ,
И муженьку пѣняетъ,
Что много обѣщаетъ.
Больной въ отвѣтъ: о чемъ больному разсуждать,
Иное посулить — иное дать.

Котъ въ мукѣ и Мыши.

Былъ Котъ, отъ коего бѣжали мыши прочь,
Нѣтъ запаха мышей ни въ день, ни въ ночь.
А побѣдитель ихъ на лаврахъ почиваетъ,
И часто отъ того безъ пищи онъ бываетъ.
Средь посныхъ дней,
Котъ въ закрому сокрылся,
И въ куль муки такъ врылся,
Что невидать ни рыла, ни ушей.
То былъ обманъ для глупинькихъ мышей.

Котъ празднуетъ въ мукѣ не менѣе недѣли,
Нѣтъ слуха о Котѣ. — Свѣтлѣе поглядѣли,
Мышонки всѣ, — тогда пуститься смѣли въ путь,
И высунуть носокъ и лапку протянуть,
И по полу гулять не разъ, а два и болѣ.
Одна шагала мышь свободно, какъ на волѣ;
Однако Котъ ей голову свернулъ,
Потомъ десятокъ ихъ давнулъ.
Увидя это Мышь старуха,
Сказала: вотъ штукарь какой,
Пожалуй Котъ, хоть самъ ты сдѣлайся мукой,
Я небоюсь тебя, въ ротъ не влечу, какъ муха.
Старуха мышь умна, могла узнать,
Что недовѣрчивость благоразумья мать.

Птицеловъ, Ястребъ и Жаворонокъ.

Силки разставилъ Птицеловъ.
Подлѣ силковъ,
Однажды Жаворонокъ случился,
И пѣть не въ доброй часъ пустился.
То слыша Ястребъ злой,
Лѣтитъ стрѣлой,
Несчастну птичку пожираетъ;
Но самъ въ силки тогда же попадаетъ,
И птицъ Ловителя на милость преклоняетъ

Усердною мольбой.
Скажи за что казнишь, или передъ тобой,
Когда нибудь я провинился?
Не мыслилъ зла тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ
въ свѣтъ родился,
Божусь.... А Птицеловъ не приступай къ
божбѣ,
Ты мнѣ не сдѣлалъ зла, а жаворонокъ тебѣ.

Заяцъ и Черепаха.

Хочу за Федромъ въ слѣдъ и я сказать,
Что Черепаха,
Безъ страха,
Рѣшилась въ запуски бѣжать,
И съ Зайцемъ объ закладъ осмѣлились по-
биться.
Назначили судей, день, мѣсто, часъ;
Пришла пора въ походъ пуститься.
Пустилась на мѣту, нацѣлила свой глазъ,
Хотя ползетъ не скоро; —
Не тратя времени, клѣится дѣло споро.—
А Зайчикъ нѣжится, и мнитъ: лишь захочу
Я въ мигъ къ закладу прилѣчу.
То травки ущипнетъ, то съ кустикомъ
играетъ,
Мечтая слышать лай, онъ ухо подставля-
етъ.
Соперникъ у мѣты, шагнуть сажени три, —
Такъ и закладъ бери;

Тогда — то Заяцъ мой лѣтитъ, какъ птица,
Въ минуту тамъ, заклада гдѣ граница.
Но Черепаха гдѣ? — Она ее прошла,
Закладъ свой унесла.
Пусть разумъ иногда, какъ вѣтръ лѣтаетъ;
Вѣнцемъ побѣдъ его прилѣжносшь награждаетъ.

Подагра и Паукъ.

Подагру съ Паукомъ изъ ада преселиться,
На землю отпустилъ Плутонъ,
И далъ, чтобъ имъ безсорно подѣлиться,
Указъ или законъ:
Когда придете вы, увидите палаты,
Огромны и богаты,
Еще увидите въ дыму, въ пыли,
Довольно хижинъ на земли.
Все это вамъ дарю: любую часть возьмите,
И каждый межъ собой по жеребью дѣлите.
Лишь озарило ихъ сіяніе лучей,
Подагра ну болтать: мнѣ точно, какъ могилы,
Высокія дома не милы,
Тамъ множество врачей.
Я не люблю ихъ лицъ. Ты домы богачей,
Возьми Паукъ себѣ. Въ твою даю ихъ волю,
А хижины оставь пожалуй мнѣ на долю.
Тебѣ барышъ отъ гордости домовъ,

Гдѣ праздныхъ много шалуновъ,
И шаркуновъ,
И тьма пылистыхъ облаковъ.
Безъ дѣлежа и спору,
Паукъ отправился въ чертоги къ Сенатору.
Подагра жить хотѣла вѣкъ,
Въ той бѣдной хижинѣ, гдѣ дремлетъ дровосѣкъ.
Не медля принялись за дѣло и работу;
Но вскорѣ бросили охоту,
Что утро, то метла готова Пауку;
Подагра на противъ то въ лѣсъ, то на рѣку;
А это говорятъ подагдѣ и не любо;
Подагру не балуй, а обходися грубо,
Когда больной сію Плутона дочь,
Желаетъ отъ себя прогнать скорѣе прочь.
Опять увидѣлись и промѣнялись снова.
Но оба тутъ ни слова;
Не убоясь врача,
Отъ невоздержности подагрѣ рай у богача;
А Пауку у дровосѣка,
Гдѣ лишняго съ метлой нѣтъ человѣка.
Наружность льстивая подъ часъ,
Обманываетъ насъ.

Муха и Берлинъ.

На крутизну горы, по ступицу въ пескѣ,
Четыре лошади не налегкѣ,
Берлинъ тащили,

И въ самой жаръ, тогда Петровки были,
Вдругъ стали лошади среди пути,
И отказалися Берлинъ вести.
Всѣ сѣдоки гуляютъ,
Съ Берлиномъ въ рядъ пѣшкомъ.
Извощикъ, двое слугъ и крикомъ и кнутомъ,
Усталымъ лошадямъ усердно пособляютъ, —
Бѣда! Берлинъ на мѣстѣ все одномъ.
Тогда къ Берлину Муха прилѣтела,
Журитъ господъ, бранитъ людей,
И жалитъ лошадей;
Жужукаетъ, что всѣ шатаются безъ дѣла,
Она одна
Огромной этотъ домъ на верьхъ поднять должна.
Изволитъ Муха суетиться,
Юлитъ межъ лошадей, впередъ и по бокамъ,
Какъ Рыцарь скачетъ по рядамъ,
На дышло здѣсь, а тамъ на колесо садится,
Безъ памяти трудится;
Но кони наконецъ кой — какъ, шашкомъ,
Съ пособьемъ слугъ, хотя съ трудомъ,
На вышину горы Берлинъ втянули,
И ровный путь найдя, не много отдохнули.
Тутъ Муха имъ во слѣдъ:
Ну милые ступайте,
Меня за трудъ не забывайте,
А въ благодарности мнѣ право нужды нѣтъ.

Подобныхъ Мухъ между людей встрѣчаютъ,
Которые своей услугой пособляютъ.

Мужикъ и Кумиръ.

Когда въ невѣжествѣ купался міръ,
По милости полуденныхъ Брахмановъ,
Когда въ число Боговъ всѣ ставили болванновъ;
Тогда жилъ Мужичекъ и у него Кумиръ.
Мужикъ былъ не богатъ, дышалъ одной надеждой;
За то его Кумиръ не золотой,
Простой
Украженъ былъ одеждой;
Однако Мужичекъ вседневно по утрамъ,
Курилъ, какъ водится, исправно фиміамъ,
Просилъ, чтобъ далъ Кумиръ десятка два цыплятокъ,
О праздникѣ телятокъ.
Молился цѣлый вѣкъ, а все носилъ суму;
Нѣтъ въ торгѣ барыша, наслѣдства нѣтъ ему.
И наконецъ Крестьянинъ разсердился,
Не въ доброй часъ дубину взялъ, и хлопъ
Кумира прямо въ лобъ.
Кумиръ на двѣ дѣлимости разбился
Пошелъ и трескъ и стукъ;
Посыпалъ изнутри Кумиръ свой тукъ,

Прелестну вещь для свѣтскихъ и ду-
ховныхъ,
А именно: число несмѣтное червонныхъ.
Мужукъ увидя то заговорилъ:
Когда тебя боготворилъ,
И не жалѣлъ куреній благовонныхъ;
Ты былъ ко мнѣ жестокъ — ты былъ въ то
время скупъ.
Теперь ущедрился, впередъ не буду глупъ;
Когда задумаю я преклонить судьбину,
На мѣсто жертвъ, мольбы возьму дубину.
Ханжи молельщики! ей! надобна душа,
Мы строимъ божеству великолѣпны храмы,
Возносимъ къ небесамъ курящись фиміамы,
И часто своего въ томъ ищемъ барыша.
Не чистымъ помысломъ святыню оскверняемъ,
И небо жертвами въ корысть свою склоняемъ.

Леопардъ и Обезьяна.

Однажды Леопардъ и Обезьяна
По деревнямъ пошли себя казать,
Затѣю хитрую удачно представлять,
И денежки ловить изъ нашего кармана.
У всякаго изъ нихъ часы свои и дни,
Но зрители одни.
Сначала Леопардъ предъ обществомъ явился
И шерстью травчетой хвалился,

Сказавъ: такихъ богатствъ ни гдѣ я несыщу,
Какіе на себѣ ношу. . .
Всѣ зрители его хвалили, любовались;
Ударилъ срочный часъ, всѣ съ нимъ растались.
Пришелъ другой штукарь. —
Нѣтъ шерсти ни клочка, черна, а рожа,
Ни мало не пригожа.
Дурная эта тварь,
Хоть были на нее расточены румяна,
Проворная на штуки Обезьяна.
Она лишь сдѣлала прыжокъ. . .
Всѣ стали хохотать. Потомъ въ кольцо скакнула,
Взяла смычекъ,
И подъ него сама цыганскую махнула;
За то ее смотрѣть валятъ народу тьмы.
Разнообразіемъ богатые умы,
Намъ могутъ быть всегда и милы и полезны;
Но тѣ которымъ данъ,
Богатой лишь кафтанъ,
Какъ Леопардъ — на часъ любезны.

Свободный Хлѣбопашецъ и Кладъ.

Свободный хлѣбопашецъ былъ,
Въ довольствѣ жилъ,
А наконецъ пришлось со всемъ ему разстаться,
И свѣту бѣлому отдать на вѣкъ поклонъ.

Тогда всѣмъ сыновьямъ велѣлъ собраться,
И на ухо шепнулъ: я вамъ даю законъ,
Любезны сыновья, и завѣщаю,
Не продавайте вы отнюдь моихъ полей,
Про мѣсто не скажу, но въ дачѣ кладъ моей.
Я это вѣрно знаю;
Легко его открыть; —
Когда придетъ весна, умѣйте землю рыть.
Сынки по батюшкѣ, не спорю, что тужили,
А кладомъ дорожили.
Лишь Флора всѣ луга успѣла нарядить,
Работать начали и плугомъ и сохами,
То есть пахать, орать,
И каждый клокъ земли, какъ шелкъ,
перебирать.
Пусть клада не сыскали,
Но рѣдкой урожай съ полей своихъ собрали.
Разуменъ былъ старикъ, проникнулъ мой
Сократъ,
Что трудолюбіе большой на свѣтѣ кладъ.

Львица и Медвѣдица.

У Львицы нѣкогда пропалъ въ лѣсу ребе-
нокъ,
Скончался Львенокъ.
Съ тѣхъ поръ,
Въ глубокую печаль весь погрузился дворъ.
Къ богамъ упрековъ шлетъ царица миліоны,
Діана, Фебъ ея внимаютъ только стоны.

Одна Медвѣдица сказала ей:
Когда ты своего величества зубами,
Притиснуть множество изволила звѣрей,
Иль не было изъ насъ горячихъ матерей?
Мы скромно плакали, безпутно не кричали,
И небу и землѣ напрасно не скучали;
Уими ты вой.
Однако Львица та не хочетъ утѣшаться,
И вопитъ и кричитъ: о Львенокъ милой мой!
Надежда вся моя, могуль съ тобой,
На цѣлый вѣкъ растаться?
Такъ люди вопіютъ: не милосердый рокъ
Бѣдами нашими себя увеселяетъ;
На противъ человѣкъ ихъ болѣ растравляетъ,
И жребій кажется свой каждому жестокъ.

Орелъ и Лисица.

На что невинныхъ притѣснять? Безсильный месть,
Умѣетъ иногда на сильнаго вознесть.
Орелъ схватилъ дѣтей у кумушки Лисицы,
Потомъ отнесъ живыхъ въ чертогъ своей царицы;
То пища для орлятъ; чертогъ его,
На кедрѣ былъ высокомъ.
Лиса сраженная печальнымъ рокомъ,
Не хочетъ племени лишиться своего,

И молитъ птицъ царя: мнѣ милы такъ ли-
сенки,
Какъ и тебѣ орленки.
Не дай осиротѣть. Орелъ въ отказѣ твердъ;
Онъ былъ не Титъ, не немилосердъ,
А кедръ высокъ. Лисица,
Не птица,
Нельзя туда ей влесть.
То правда, что Лиса безплодно не рыдала;
Но царскихъ погубить ребятокъ умышляла,
И для того огонь съ дровами принесла,
Чтобъ месть свою сверщить чуть кедра
не зажгла.
Тогда обратно
Орелъ лисенковъ ей даритъ,
Сказавъ: любезная, опочивай пріятно,
Что пѣла давича, теперь мнѣ то понятно.

Юпитеръ и Дача.

Земныя волости свои на откупъ міру,
Намѣреваяся отдать Зевесъ,
Сладкорѣчивому купцовъ Кумиру
Велѣлъ сойти съ небесъ.
Меркурій на землѣ повѣстки разсылаетъ,
И цѣны объявляетъ;
Явились торгаши,
Съ Зевесомъ, говорятъ, худые барыши,
Борей ему слуга, не такъ подышетъ,
Зевесъ имѣніе опишетъ,

А мы
Пойдемъ таскать сумы.
Чесали головы, за бороды хватались,
Всѣ, не вступая въ торгъ, съ Меркуріемъ
растались.
Одинъ смѣльчакъ,
Сказалъ: быть такъ;
Я пожни всѣ возьму, лишь будь Зевесъ ба-
такъ,
Четыре времени текущаго намъ года...
И знатна барыня природа,
Лишь слово выпущу, пусть каждый часъ,
Работаетъ на насъ;
И чтобъ порядокъ мой отнюдь не для на-
рода,
Но только для меня лишь былъ бы одного,
А болѣе ни для кого.
Зевесъ тогда не покосился,
И согласился.
Вдругъ сталъ мой откупщикъ натуры гос-
подинъ,
Устроилъ новой чинъ,
Какъ будто изъ давна въ кругу планетъ гу-
ляетъ,
Гремитъ и вѣтры шлетъ, и солнцемъ упра-
вляетъ;
Сей новый Царь небесъ
Мечтаетъ отъ своихъ разбогатѣть чудесъ.

На противъ въ етотъ годъ подъ руководствомъ неба,
Сосѣди за море послали много хлѣба;
А откупщикъ властитель самъ временъ,
Таскался по міру не собралъ и сѣменъ.
Куды земнымъ червямъ тягаться съ Небесами?
Что намъ полезно здѣсь, не знаемъ часто сами.

Война Кошекъ и Мышей.

Наскуча мыши жить въ неволѣ,
И не хотя терпѣть тиранства кошекъ долѣ,
Рѣшились воевать,
Свирѣпыхъ кошекъ убивать.
Мышачьи собралися строи,
Сѣдыя крысы тамъ, извѣстные герои,
Явились въ пансыряхъ и въ шишакахъ,
Съ мечемъ въ рукахъ.
Бой лютый начался, но кошка лишь прыгнула,
Едва окрысилась и лапу протянула,
Мышачья армія разсыпалась, какъ градъ,
Отбой ударила вся армія назадъ.
Пѣхота грозная въ подколицу спѣшила,
А Кошка задній взводъ посвойски проводила.
Тогда мышачій вождь герой,
Который шишакомъ высокимъ отличался,
И величался,

Явился въ трепетѣ передъ норой,
Куды отрядъ мышачій весь скопился
И кое какъ спустился,
А вождь ихъ шишакомъ при сходѣ зацѣпился;
Тутъ кошка ну душить его.
Уборъ помѣха,
Когда для смѣха
Надѣтъ онъ на кого.

Филинъ и Орелъ.

Всѣ любятъ матушки дѣтей своихъ ласкать,
Пристрастно похвалить, безъ нужды потакать;
А дѣло ежели когда дойдетъ до справки,
Въ достоинствѣ сынка случаются убавки.
И отъ того,
Бѣда, иль стыдъ и для ребенка самаго.
Послѣ жестокой ссоры
У Филина съ Орломъ,
Они вошли въ переговоры,
Какъ водится всегда порядкомъ, чередомъ.
Сперва поцѣловались,
А послѣ съ клятвою взаимно обѣщались,
Для птицъ быть образцомъ друзей.
Тутъ Филинъ попросилъ Орла прилѣжно.
(Отцово сердце нѣжно)
Чтобъ онъ его дѣтей,
Отъ царскихъ спасъ когтей.

Орелъ сказалъ ему охотно соглашаюсь,
Беречь дѣтей твоихъ;
Но часто я въ походъ пускаюсь,
И такъ, чтобъ въ странствіяхъ моихъ,
Не оскорбить тебя ошибкой не нарочно,
Мнѣ ростъ ихъ опиши и всѣ примѣты точно.
Пустился Филинъ въ толкъ;—
Въ его ребяткахъ,
Въ лицѣ, въ ногахъ, и въ перьяхъ и ухваткахъ,
Всечасно множился красотъ прелестныхъ полкъ, —
Заочно Филинъ мой Орлу изображаетъ,
Дѣтей своихъ, какъ нѣжныхъ голубковъ.
Друзья разсталися, Орелъ лѣтаетъ,
Встрѣчаетъ,
Въ глуши лѣсовъ,
Однихъ безъ матокъ,
Негодныхъ, черниькихъ, косматыхъ двухъ ребятокъ.
Царь птицъ, увидя ихъ сказалъ,
Не Филиновичиль, не дружниль это дѣтки?
Друзья на свѣтѣ рѣдки.
Я дружбу сохраню. Потомъ онъ размышлялъ:
О! это не они, — собою тѣ прекрасны,
Глаза у нихъ свѣтлы и ясны,
А это что? Совы.
Орелъ могучей,
Изъ рукъ не упускаетъ случай,

И Филиновичи тотъ часъ безъ головы.
А Филинъ возвратясь туда, гдѣ жили кро-
шки,
Нашелъ одни ихъ ножки,
И весь наполнилъ лѣсъ,
Рыданія и стона.
Ему на то Ворона:
Не оглушай небесъ,
Орелъ невиноватъ, не твоего онъ рода
Хотѣлъ дѣтей глотать;
За чѣмъ урода,
Красавцемъ бы писать?

Учитель и Садовникъ.

Подлѣ Садовника жилъ нѣкогда Учитель,
Чужихъ дѣтей отецъ и попечитель.
Дитя оставя дальній зборъ,
Въ часъ вольной отъ науки,
Имѣя цѣпкія довольно руки,
Махнулъ черезъ заборъ
Садовника сосѣда; —
Малины, вишенъ, грушъ и всѣхъ плодовъ,
Набралъ для своего обѣда.
Съ такимъ наперстникомъ не разведешь
садовъ, —
Садовникъ толковалъ, — какъ етотъ посѣ-
титель,
Нахалъ и похититель,
По часту вздумаетъ гулять въ моемъ саду:

Я скоро по міру пойду.
Пошелъ къ Учителю и изъяснился.
Учитель былъ престрогой судія,
Сказалъ садовнику: коли бѣда моя,
Дамъ преступленью казнь достойну я,
Со всей аравою онъ въ садъ ввалился,
О собственности тутъ премудро говорилъ,
Виновнаго босымъ не разъ водилъ,
И лазять въ огородъ напредки запретилъ;
А всѣхъ учениковъ за тѣмъ онъ бралъ съ собою,
Чтобы казнилися товарища судьбою.
Но дѣти между тѣмъ,
Какъ будто рать съ огнями и мечемъ,
Не только что плоды проворно ощипали,
По всюду бѣгая впередъ, назадъ,
Деревья всѣ переломали.
На время долгое былъ исковѣрканъ садъ.
Такихъ учителей и мы подъ часъ видали,
Которые на то свой расточаютъ даръ,
Что бы раздуть пожаръ.

Старикъ и Его дѣти.

Знать цѣну мирныхъ дней не худо ни когда,
Гдѣ нѣтъ согласія, тамъ на носу бѣда.
Старикъ кончался,
Къ кровати пригласить своей,
Велѣлъ трехъ сыновей.

Благословляя ихъ, онъ съ ними такъ прощался:
Хочу употребить послѣдній въ жизни часъ
Я на полезные съ семействомъ разговоры,
Прошу усердно васъ,
Живите межь собой безъ ссоры.
Чтобъ показался вамъ яснѣе мой урокъ,
Вотъ связанный лежитъ изъ прутиковъ пучокъ;
По одиначкѣ всѣ его возмите,
И естьли можете, переломите.
Сынки тогда съ пучкомъ вступили въ бой:
Взялъ старшій сынъ пучокъ, и началъ съ нимъ тягаться,
Пучокъ не хочетъ изломаться;
Взялся сынокъ другой,
Къ колѣну наклонилъ дугой;
Пусть долго бился,
Но наконецъ и онъ
Съ пучкомъ простился.
Послѣдній братъ пустился,
И тотъ, не одолѣвъ, отдалъ пучку поклонъ.
Тогда отецъ сказалъ: пускай старикъ я хилой,
Вамъ силу доказать хочу передъ могилой.
Пучокъ онъ развязалъ,
По одиначкѣ всѣ въ немъ прутья изломалъ.

Такъ, милы сыновья, въ томъ домѣ денегъ
груды,
Гдѣ нѣтъ межъ братьями ни ссоры, ни
остуды.
Старикъ окончилъ рѣчь, и вѣчнымъ сномъ
заснулъ,
Оставя множество баулъ,
При томъ и не пустыхъ, а съ звонкими ру-
блями.
Кричатъ: всё по равну раздѣлимъ между
нами;
Сперва на столъ
Кафтаны положили,
И раздѣлили.
У старика былъ бархатной камзолъ,
Который на бѣду всѣмъ дѣтямъ полюбился,
Хотя и негодился;
Прощай отцевъ урокъ,
Большей на средняго взглянулъ и покисился;
Середній почесалъ не къ статѣ язычокъ,
А младшій сынъ со всѣмъ уже взбѣсился.
Настала брань,
Раздоры,
Въ мѣстахъ судебныхъ споры,
Подъячимъ съ стряпчими богатой кормъ.
Имѣнье въ описи, пошла большая хватка,
За судъ и пересудъ, и съ праваго десятка.
У братьевъ пусто въ кошелкѣ,
И время имъ настало грозно;

Тогда припомнили, хотя уже и позно,
О батюшкѣ своемъ и о его пучкѣ.

Безногой и Босой.

Одинъ нещастной,
Безъ обуви, въ пыли,
Валяясь на земли,
Свой жребій проклиналъ ужасный.
Лишенный ногъ на Марсовыхъ поляхъ,
Тутъ воинъ къ нищему приползъ на костыляхъ,
И говорилъ ему: ты жизнію скучаешь,
И ропотомъ Творца вселенной огорчаешь
За тѣмъ, что безъ сапогъ;
Какъ мнѣ велишь стонать? Ты видишь я безъ ногъ.

Фортуна и Ребенокъ.

Дитя, въ свободный часъ отъ дятьки и науки,
Улегся на травѣ близь ручейка отъ скуки;
Руками свѣсился робенокъ на ручей;
Морфея благости съ отрадою вкушая,
Упасть бы могъ легко; Фортуна тутъ летая,
Рукой своей,
Ребенка разбудила:
Пожалуй у воды ты не ложися спать,
Меня твоей бѣдой всѣ стали бы клепать;
И крѣпко натвердила,

Что не всегда она,
Въ нещастіи людей вина.

Мыши и Лягушка.

Исторія не пишетъ,
Какимъ случаемъ Мышъ къ Лягушкамъ забрѣла,
Но вѣрно, что она съ Лягушками жила.
Въ болотѣ кошки нѣтъ, свободно Мышка дышетъ,
Хотя съ ней встрѣтилась другая тамъ бѣда;
Лягушка жадная сказала ей тогда:
Любезная моя! ты знай, что скушать Тебя хочу;
За чѣмъ пришла сюда ты наши пѣсни слушать,
Къ намъ въ острова гулять Мышей я отучу;
Не хочетъ Мышка поддаваться,
Съ Лягушкой стала драться.
Молва идетъ:
Случай всегда щастливца ждетъ. —
Тутъ коршунъ налетя нашелъ себѣ пирушку,
Схватилъ онъ обоихъ, и Мышку и Лягушку. —
Чѣмъ больше у крестьянъ между собою ссоръ,
Тѣмъ старостинъ полнѣе дворъ.

Пѣтухъ и Жемчужное Зерно.

Пѣтухъ найдя жемчужное зерно,
Сказалъ: на что оно?

Богатому купцу Зерно свое приноситъ,
И за него съ поклономъ проситъ,
Овса пригоршни двѣ иль три.
Читатель по цѣнѣ на вещи не смотри,
Достоинство вещамъ прямая мѣра;
Невѣжда каждый здѣсь отдастъ за рубль
Гомера.

Щучонокъ и Рыбакъ.

Щучонокъ въ полону, то есть, въ ведрѣ
сидѣлъ,
На Рыбака умильно поглядѣлъ,
И началъ говорить: ты славенъ въ околодкѣ.
По всей рѣкѣ гуляя въ лодкѣ,
Не ужель не нашелъ жирнѣй меня?
Я хуже и линя;
Осетръ дороденъ,
А я тебѣ, Рыбакъ, на что могу быть годенъ?
Не будетъ мною сытъ ѣдокъ,
Я малъ ему и на одинъ глотокъ.
Недѣлю времени и болѣ,
Позволь гулять по волѣ;
Позволь въ рѣкѣ рости,
Теперь пожалуй отпусти;
Я выросту и буду жиренъ.
И точно какъ теперь передъ тобою сми-
ренъ.
Красно Щученокъ говорилъ;

Однако къ ужину его рыбакъ сварилъ,
Сказавъ, слыхали братъ мы про-судѣйски
буки,
Мнѣ гуся не сули, а дай синицу въ руки.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЙ КНИГИ.

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ,

ИЗЪ

ЛУЧШИХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ,

СТИХАМИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Желатель.

Язычниковъ старинны боги,
Оставя иногда небесные чертоги,
Съ людьми живали, какъ друзья,
О томъ вотъ повѣсть вамъ моя:
Не знаю именно, Перунъ громодержатель
Кого изъ дѣдушекъ въ любимцы посвятилъ,
Желанья исполнять, онъ клятвой утвердилъ;
Но вѣрно, что Желатель
Желалъ богатствъ, честей, — сокровища, чины
Ему даны.
Онъ сталъ богатъ, чиновенъ,
Почти Перуну ровенъ,
На золотѣ и ѣлъ и спалъ;
А все желалъ.
Желаній лѣстница величины безмѣрной, —
И не усталанешь въ вѣкъ, всходя по ней.
Перунъ, какъ знаютъ всѣ, плательщикъ вѣрной,
Онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни честей.

Желатель всякой день свои желанья множитъ;
Всѣ норки перерывъ въ чертогахъ у судьбы,
Перуна записавъ себѣ въ рабы,
Всегда о милостяхъ тревожитъ.
Наскуча холодомъ, хотѣлъ на Югъ слетать,
Куды? во Францію; и началъ лепѣтать:
Тамъ кротость воздуха, земныхъ плодовъ богатство,
И вкуса царство,
Скучалъ на Небеса, вопилъ и не вотще.
О почтѣ, лошадяхъ, отнюдь не суетился.
Въ Парижѣ изъ Москвы въ минуту очутился.
Доволенъ? — нѣтъ — кричитъ еще:
Здѣсь гибели страна, здѣсь бунты противъ трона,
Здѣсь чести нѣтъ, ни правды, ни закона.
Пусть предокъ былъ чудакъ, — у Рускаго душа,
Всегда чувствительна и хороша, —
Міръ цѣлой трубитъ,
Что Бога и Царя издревлѣ Руской любитъ, —
Съ убійцами остаться не хочу.
Перунъ! бросай свой громъ, а я отсель лечу.
Куда летѣть? избралъ правленіе народно,
Въ Венецію присталъ, но что? Тамъ многоводно,
Тамъ лодки — нѣтъ каретъ, тамъ вѣчный маскерадъ.

Опять летѣть; — кудажъ? Въ отечество
назадъ.

Плутонъ и Тѣнь.

Кто черный перешелъ бурливый Ахеронъ,
Вотще надѣется на слезы и на стонъ.
Любимый молодецъ дѣвицею прекрасной,
Среди цвѣтущихъ лѣтъ,
Былъ нѣжности предметъ
Родителей своихъ; и вѣкъ свой не безчас-
стной,
Тѣмъ болѣ услаждалъ,
Что друга на земли сыскалъ,
Подобнаго Пиладу,
Случайныхъ горестей въ отраду;
Казалось радости одни,
Его соткали дни.
Судьба и щастіе играя нами,
Какъ вѣтеръ пузырями,
Умѣютъ разрушать всѣ льстивыя мечты;
Его скосила смерть, какъ бы съ полей
цвѣты;
Но въ царствѣ у Плутона,
Среди рыданія и стона,
Онъ вспоминалъ пріятны красоты.
Иные говорятъ, что будто есть дорога,
На жалость преклонять подземна Бога,
Ираклій мужествомъ, музыкою Орфей,
Изъ мрака извели особъ любезныхъ.

Тѣнь ета не имѣвъ даровъ полезныхъ,
Не бывъ герой ниже пѣвецъ,
Не льстилася смягчить сердецъ
Желѣзныхъ;
Тогда вступилась за него,
Прекрасна Прозерпина,
Царя угрюмаго любезна половина,
Супруга довела легонько до того,
Уловкой барынямъ извѣстной,
Что бровь нахмуривши Плутонъ,
Издалъ указъ, — пусть міръ прелестной,
Увидитъ онъ.
Но прежде я хочу тоски его причину,
Здѣсь показать ему его родни картину. —
И мудреноль? Что ада Богъ велитъ,
Удревнихъ все тотчасъ вскипитъ.
Услыша ето тѣнь мечтаетъ,
Увидѣть что милѣй всего;
Картину жаждетъ зрѣть; картина представляетъ,
Въ супружествѣ съ другимъ любовницу его;
А другъ, занявшійся торгами,
Не только гробъ не орошалъ слезами,
Для прибыли имѣлъ союзъ съ его врагами;
Любовь родителей нѣжнѣе всѣхъ.
Отецъ и мать рыдали,
Страдали,
И отогнали прочь веселіе и смѣхъ;
Но время,

Которое печали бремя,
Уноситъ на крылахъ своихъ,
Смягчило горесть ихъ;
Пріемышъ на картинѣ,
Отраду имъ давалъ въ печальной ихъ судьбинѣ.
Теперь угодно ли тебѣ на бѣлой свѣтъ,
Сказалъ Плутонъ, а тѣнь въ отвѣтъ,
Коль вѣтренъ міръ, туда итти охоты нѣтъ.

Аполлонъ въ Балахонѣ.

Когда Зевесъ за шалость Фаетона,
Прогналь съ Олимпа Аполлона,
Фебъ не свѣтило былъ для насъ,
Стада чужія пасъ;
Скитался по лѣсамъ между звѣрями,
Водился съ пастухами.
Однажды онъ,
Накинувъ на плеча пастушій балахонъ,
Украдкою взошелъ на Геликонъ,
И лиру ухватя безсмертной Калліопы,
Сталъ пѣть гоненіе несчастливой Европы;
Сперва порывами блисталъ;
Но вскорѣ, —
Завылъ о пастухахъ, о частой въ стадѣ ссорѣ;
И звукъ тупой отъ струнъ безъ чувства издавалъ.
Тогда съ дву — холмна Геликона,

Пѣвца намѣрились прогнать,
Такъ точно не могли узнать,
Одѣта въ рубище всѣ Музы Аполлона.
Меркурій тутъ случась пустился хохотать,
Съ гремушкой Момъ пришелъ, и ну свистать,
Что Аполлонъ на Геликонѣ,
Межъ хора Музъ, явился въ балахонѣ.
Пѣвцы надменные, стремясь на Геликонъ,
Снимайте балахонъ.
Пусть дара вы богаты вдохновеньемъ,
Но есть ли услаждать хотите пѣньемъ
Священныхъ Музъ,
Блюдите чистой слогъ, любите вѣрный вкусъ.

Вдовецъ и Сократъ.

Былъ мужъ, была жена,
И что всего чуднѣе,
У сей четы душа одна,
И не было семьи дружнѣе;
Но смерть щастливой бракъ умѣла разорвать.
Жена скончалася, пустился мужъ рыдать;
Вдовецъ терзается, стонаетъ,
Свѣтъ цѣлый проклинаетъ.
Любезная жена! онъ вопіетъ стократъ,
Я безъ тебя и жизни сей не радъ,

Пойду къ Сократу я — пріятель мнѣ Сократъ;
Сократъ ему сказалъ: не дамъ теперь отвѣта.
Чрезъ полгода приди, просить ко мнѣ совѣта,
Печальный возразилъ: премудрый человѣкъ!
Я чаю окончать черезъ недѣлю вѣкъ.
Суди возможноль мнѣ такъ долго дожидаться,
И лютой горестью терзаться?
Пошелъ — и полгода прошло.
Къ Сократу болѣе не возвратился.
Знать судно въ адъ его Хароново снесло,
Конечно умеръ онъ? Нѣтъ — на другой женился.

Колоколъ и Зефиръ.

Однажды Колоколъ Зефиру говорилъ:
Судьбѣ ни мало не пѣняю,
Что не дала мнѣ крылъ.
Въ сосѣдствѣ облаковъ я обитаю,
Когда въ глубоку ночь случится гдѣ бѣда,
То громко зареву тогда.
Услыша голосъ мой, оставя сна охоту,
Всѣ люди прибѣгутъ на тяжкую работу.
Не спорю я сказалъ Зефиръ,
Что ты благовѣстишь пожаръ, войну и миръ,
И назначаешь часъ молитвы и покою;

Все ето дѣлаешь чужой рукою.
Случается межъ барь,
Что ихъ достоинство, разумной Секретарь.

Кукушка и Мужикъ.

Крестьянинъ ворожбу любилъ,
Мечталъ, что Колдуны властители свѣтилъ.
Однажды въ рощицѣ Кукушкинъ голосъ слышетъ.
Отъ радости мужикъ чуть дышетъ,
Въ минуту загадалъ на сколько лѣтъ,
Ему достался бѣлой свѣтъ.
Кукушка хлопнула куку и замолчала,
Мужикъ ждалъ битый часъ, Кукушка не кричала;
Тогда крестьянинъ мой и руки опустилъ,
Живымъ себя могилѣ посвятилъ,
Кокушкѣ вѣря онъ, какъ истинны пророку,
Не сталъ пахать земли, не сталъ платить оброку,
Послѣ пророчества хоть ровно сорокъ лѣтъ
Мужикъ въ живыхъ остался;
Но брося полосу лишь по міру скитался,
И наконецъ сказалъ: каковъ сталъ свѣтъ,
Въ Кукушкахъ правды нѣтъ.

Козелъ, Олень и Овца.

Козелъ домостроитель былъ,
Сокровище себѣ большое накопилъ,

Которымъ иногда друзей ссужать любилъ.
Олень къ нему однажды прикатилъ,
И рѣчь ведя о Крезѣ и объ Ирѣ,
Просилъ въ займы сѣнца пучка два, три,
четыре.
Козелъ ущедрился, Оленю сѣна далъ,
Который свой заемъ навьюча убѣжалъ.
Овца съ займомъ Оленя повстрѣчала,
И убѣждала
Заемъ Козлу не тратя возвратить.
Олень Овцѣ въ отвѣтъ: я не люблю шутить;
А та ему сказала:
Когда наступитъ срокъ, вить надо заплатить;
То дѣло не мое, а дѣло ужъ Козлово;
Козелъ сердитъ, съ тобой поступитъ онъ
сурово;
Росписку предъявя, тебя потащитъ въ
судъ; —
Бѣды невижу тутъ;
Мартышка сочинять мнѣ отговорки станетъ,
Лисица справками тяжбу протянетъ,
Мнѣ суждено здѣсь прыгать и скакать, —
А съ бородой Козлу о сѣнѣ хлопотать. —
Когда законъ гдѣ поступаетъ строго,
Худыхъ плательщиковъ не много.

Народной вѣры щитъ, цвѣтетъ торговля
тамъ,
Гдѣ отъ Оленей нѣтъ опасности Козламъ.

Корабль, Лодка и Плотъ.

Купцы изъ за моря товаровъ ожидали,
Не рѣдко для того и берегъ посѣщали;
Одинъ изъ нихъ вскричалъ, смотрите вы
вдали,
Я вижу корабли.
Другой ему, Ефремычь, вздоръ болтаетъ,
И лодку кораблемъ напрасно называетъ;
А Сидоръ говоритъ: какой народъ,
Не лодка, не корабль плыветъ къ намъ про-
сто плотъ.
Но очутилося у нихъ передъ глазами,
Какъ ближе подплыло, не лодка съ пару-
сами,
Не плотъ и не корабль, а что? одно,
Стремленіемъ воды плывущее бревно.
Скажу не льстиво:
Иной намъ кажется вдали какъ будто диво,
Но ближе подойди, всмотрись въ него,
И выдетъ ничего.

Кривая Лисица.

Кривая нѣкогда Лисица,
Хотѣла жажду утолить;
Чтобъ на рѣкѣ покойно пить,

Изволитъ говорить:
Мнѣ зла не здѣлаетъ ни окунь, ни плотица,
Нападки на меня быть могутъ съ береговъ.
Однимъ я глазомъ вижу ясно,
Заботиться напрасно,
И ждать враговъ,
Я отмѣжевана рѣкою;
Возможно ли кому съ воды притти войною?
Увы! Лиса случилось такъ,
Рыбакъ,
На лодкѣ былъ съ ружьемъ, Лисицу,
Какъ птицу,
Безъ промаха убилъ.
Гдѣ чаешь радости, бѣда тутъ гонитъ въ тылъ.

Лисица и Слѣпни.

Лиса попала въ грязь, Слѣпни Лису кусали,
Не милосердо кровь сосали,
И хитрецу не льзя прожить безъ бѣдъ. —
Лисицѣ выдраться изъ грязи средства нѣтъ.
Увидя ето волкъ, о бѣдницкой хлопочетъ,
И хочетъ,
Съ нее согнать слѣпней всѣхъ прочь,
Сказавши такъ: ты дружня дочь;
Но волку говоритъ Лисица. —
Пускай останется на мнѣ слѣпней станица,
Не тронь ее, она ужъ сыта мной,
А новой рой — голодной, злой

Скорѣе истоща мою послѣдню силу,
Принудитъ лѣчь въ могилу.
Сутяга думаетъ пусть старъ законъ,
А новому судьѣ все новой дай поклонъ.

Двѣ Сумы.

Когда Зевесъ родъ смертныхъ сотворилъ;
Двумя сумами онъ людей всѣхъ подарилъ.
Одну суму повѣсилъ за плечами,
Другую на противъ передъ глазами.
У насъ свои пороки назади, —
А ближнихъ впереди,

Аполлонъ и Сатиры.

Своими тѣшимся мы попусту стихами,
Когда читатели смѣются лишь надъ нами.
Не рѣдко Богу Музъ Сатиры докучали
О лирѣ золотой,
И Аполлона уличали,
Что лирой той
Владѣлъ старикъ слѣпой.
Богъ свѣта, Богъ стиховъ не могъ отговориться,
И лирой съ тѣмъ хотѣлъ Сатиромъ подѣлиться,
Которой лучше всѣхъ, на срокъ,
Лавровой для него сплететъ вѣнокъ. —
Бѣдняжку Дафну ощипали,

Съ нее всѣ порвали листки;
Не ѣли и не спали,
И Фебу на виски,
Работаютъ вѣнки.
Они готовы;
Но богъ остался безъ обновы. —
Сатира каждаго вѣнокъ,
Для Фебовой главы иль узокъ, иль широкъ.

Оселъ и Хозяинъ.

Оселъ, и съ длинными ушами, —
Короткими шагами,
Тяжелый возъ таскалъ;
Но отъ хозяина спасиба не слыхалъ,
Которой на противъ всегда сердился,
И каждый день,
За лѣнь,
Увѣщевать Осла дубиною трудился.
Оселъ сталъ въ пѣнь; —
Безъ дальнихъ умысловъ скончался.
Хозяинъ вмигъ къ покойнику примчался,
Сталъ долгъ послѣдній отдавать,
Осла хвалить и славу напѣвать.
Цѣнятъ достоинство, когда въ могилу спря-
чутъ,
И снявши голову, по волосамъ заплачутъ.

Корабль на Морѣ и Корабль на Рѣкѣ.

Корабль среди морей на парусахъ летая,
Сѣдой угрюмой валъ

Грядами ровными дѣлилъ и разсѣкалъ,
Рѣку текущую къ морямъ встрѣчая,
Сказалъ: и здѣсь корабль одинъ
Спѣсивится, — я знатной господинъ!
Я на морѣ свой домъ имѣю,
Я съ бурною волной играть умѣю;
А ты корабль стоишь почти что на пескѣ,
Не стыдноль плыть тебѣ товарищь по рѣкѣ?
Корабль товарищу отвѣтствовалъ не строго,
Я на рѣкѣ одинъ, а на морѣ васъ много.
Въ столицѣ, при дворѣ живущій господинъ
Корабль среди морей. Живущій дворянинъ
Въ помѣстьѣ у себя и въ вотчинѣ наслѣдной,
Хотя по виду бѣдной,
Въ своемъ кругу и болѣе блеститъ,
И болѣ богатитъ.

Коршунъ и Голуби.

Былъ Коршунъ забіяка,
Которому потѣха драка;
Хоть поздно — на конецъ нашелся уголокъ,
Въ душѣ его для совѣсти и чести.
Бываетъ доброй часъ, — прочтя себѣ урокъ,
Покаялся о мести,
О злобѣ и другихъ грѣхахъ;
Когда воспоминалъ, весь былъ въ слезахъ;
Не въ шутку честностью прельстился,
Постился,

Отрѣзалъ кости прочь, царапать пересталъ,
О добродѣтели болталъ,
Съ грачемъ и ястребомъ на вѣкъ про-
стился,
Въ знакомство лучшее пустился,
Былъ въ обществѣ и куръ и голубей,
И голубю сказалъ: я злобою гнушаюсь,
Но добродѣтелью еще не утѣшаюсь,
Хоть заблужденіе виню прошедшихъ дней.
А голубь отвѣчалъ: тебѣ охотно вѣрю,
Я дѣлая добро, отнюдь не лицемѣрю;
Природной склонности истокъ оно,
И для меня равно,
Когда добро творю или когда воркую.
Благотворительну я душу здѣсь рисую,
Которая добро любя,
Его творя, себя
Тѣмъ радуетъ, питаетъ,
И нуждой жизни почитаетъ.

Рѣка и Ручей.

Однажды ручейку рѣка сказала,
О бѣдный данникъ мой!
Мнѣ жаль тебя, обиженъ ты судьбой;
Однако подожди, я подѣлюсь съ тобой
Моей водой:
Неболѣе тебя была и я сначала,
А нынѣ я краса Россійскія земли;
Почти полцарства обтекаю;

Ношу торговые, военны корабли,
Я Сѣверъ и Востокъ питаю,
Лишь пожелай, — и самъ,
Ты потечешь со мной по всѣмъ странамъ.
Ручей сказалъ, не льзя намъ быть съ судьбою въ спорѣ.
Теку въ Тебя, а ты течешь съ богатствомъ въ море.
Повѣрь, что щастіе равно,
И въ низкой долѣ обитаетъ;
Пускай мой токъ земли не много орошаетъ;
Но мнѣ спокойствіе дано,
И не волнуется мое во вѣки дно.

Лисица и Куры.

Породъ различныхъ Куръ хозяйка разводила;
Однажды на насѣсть ихъ рано посадила,
Курятникъ заперла,
Въ которой путь Лиса чрезъ лазѣю нашла.
Она увидѣла Галянки и Хохладки,
Всѣ чинно Курицы посажены на грядки.
Тогда сказала имъ: свободныхъ можноль птицъ,
Держать и въ бѣлой день среди темницъ?
Хозяйка Куръ несносно мучитъ,
Кому, скажите мнѣ, жизнь ваша не наскучитъ?
Хозяйкѣ должно васъ всечасно забавлять;
Несете яица, даете ей цыплятъ;

Вы первые на свѣтѣ птицы.
Она повѣсила среди своей свѣтлицы,
Вспѣвателей скворцовъ.
Лишь ими тѣшится, имъ пиръ всегда го-
товъ.
Услыша ету вѣсть, всѣ птицы заквохтали;
Долой стремглавъ съ нашестовъ поскакали,
И прямо въ ротъ попали.
Для объясненія не нужно много словъ;
Межъ насъ когда толкуютъ о свободѣ,
Лисицы думаютъ лишь о своемъ доходѣ.

Павлинъ.

Лишъ солнца свѣтъ отрадной,
Прогналъ ночную тѣнь,
Пѣвицъ пернатыхъ хоръ средь рощицы про-
хладной,
Привѣтствовалъ раждающійся день;
Вдругъ къ нимъ пришелъ Павлинъ, — и какъ
знатокъ великой,
Шутилъ надъ ихъ музыкой.
Бранилъ онъ соловьевъ, осмѣивалъ скворцовъ,
Дразнилъ малиновокъ, ну словомъ всѣхъ
пѣвцовъ,
А тѣ въ отвѣтъ: Павлинъ! не въ томъ
умѣнье,
Чтобъ крикомъ докучать совамъ;

Коль посрамить желаешь наше пѣнье,
Пропой складнѣе самъ.

Картина и Охотникъ Невѣжда.

Какой — то ученикъ Зевксиса, Апеллеса
Картину написалъ,
На коей мнимый сынъ Зевеса,
Лѣтъ древнихъ Александръ, какъ Богъ войны, блисталъ,
И красотой своей и славою гордился.
Геройство всадника, доспѣхи и броня,
И бурный видъ коня,
И пламенно стремленье,
Внушали зрителямъ восторгъ и удивленье.
Одинъ
Цѣнитель,
Не малой Господинъ,
Великій всѣхъ искуствъ любитель,
Къ картинѣ приковалъ свой взоръ;
Всѣ вкусъ его превозносили.
Что нравится ему? Охотника спросили,
А онъ отвѣтствовалъ: на лошади уборъ.

Софоклъ и Его Доноситель.

Пускай полки невѣждъ клевещутъ и болтаютъ,
Любимцевъ Фебовыхъ великъ и славенъ даръ;
Высокой духъ, небесной жаръ
Они въ себѣ питаютъ!

Быть современникомъ всѣхъ странъ и всѣхъ
вѣковъ,
Не можно безъ ума и безъ трудовъ,
А ето цѣль пѣвцовъ.
Пѣвцовъ какихъ? Марона и Гомера,
Лишь къ нимъ мое почтеніе и вѣра,
А прочихъ, хоть я самъ щитаюсъ въ ихъ
толпѣ, —
Не ставлю высоко; — не въ рифмѣ, не въ стопѣ
Стихотворенія искуство
Животворятъ его воображенье, чувство;
Умъ зрѣлый, чистый вкусъ пѣвцамъ даютъ
вѣнецъ. —
Софоклъ пресладостный пѣвецъ,
Которому свой скиптръ вручила Мельпо-
мена;
Софоклъ всей Аттики сирена,
Обязанъ былъ среди преклонныхъ лѣтъ,
Неблагодарнымъ дать въ судѣ отвѣтъ;
Его въ безумствѣ обвиняли,
На ослабленіе душевныхъ силъ пѣняли,
Софоклъ глупецъ? Когожъ разумникомъ поч-
тутъ?
Витійствъ оставя бремя, —
Не расточителенъ мудрецъ,
На рѣчи и на время, —
Эдипа своего обиженный пѣвецъ,
Судьямъ читаетъ,
Не обвиненіе, но слезы исторгаетъ.

Судьи плѣненные и духомъ и умомъ,
Торжественно его препроводили въ домъ.
Эдипъ неконченный Софокла защищаетъ.
Хоть ядомъ клевета изгибистыхъ рѣчей
Кого тѣснитъ и жалитъ,
Она достоинства не тронетъ, не умалитъ,
И солнечныхъ во вѣкъ не помрачитъ лучей.

Странствіе въ Храмъ Щастія.

Мы всѣ на небеса пѣняемъ,
Мы ищемъ щастія, не зная что оно?
Мы щастію лице по прихоти мѣняемъ,
А щастіе намъ всѣмъ дано. —
Язычникъ не убогій,
И добродѣтели наперсникъ строгій,
Просилъ, чтобы держащій громъ,
Сатурновъ сынъ сводилъ его блаженства въ домъ;
Хотѣлъ онъ непремѣнно,
Съ Фортуной быть знакомъ.
Чтобы желателя исправить совершенно,
Зевесъ одѣлся старикомъ,
Пошелъ къ нему; съ нимъ вмѣстѣ бродитъ.
По долгомъ странствіи къ фортунѣ въ храмъ приходитъ.
Въ чертогѣ Плутуса слѣпое божество,
Нашли они; богатства вещество,
И взоръ язычника и душу ослѣпило,

И столько прилѣпило,
Что онъ отъ золота и болѣнъ и здоровъ.
Наскуча множествомъ съ червонцами костровъ,—
Язычникъ мой сыскалъ еще прочнѣй блаженство,
И заключилъ: въ чинахъ прямое совершенство.
Достигъ чиновъ, честей,
И сталъ причиною коварства и сѣтей;
Язычникъ при дворѣ задумчивъ, не доволенъ,
Сумнителенъ, трусливъ, и вправду болѣнъ.
Съ тѣмъ молвили пять словъ,
А на того съ улыбкою взглянули;
Пріѣзжаго въ чины толкнули,
Иному ласковой пріемъ готовъ;
Язычникъ мучится, опять хлопочетъ,
Съ достаткомъ маленькимъ спокойства хочетъ,
И говоритъ о томъ,
Открытымъ ртомъ:
Напрасно мы избили только ноги,
Я къ щастью етому ищу дороги,
Веди меня скорѣй въ его чертоги,
Наскучилъ право я безплодною ходьбой.
Тогда Зевесъ средь тихой ночи,
Тихонько перенесъ его опять домой,

Въ отцовской спаленкѣ Язычникъ мой проснулся,
Узналъ проступокъ свой и улыбнулся.

Змѣй и Комета.

Однажды на зарѣ передъ разсвѣтомъ,
Охотились пускать ребята лѣтомъ,
Бумашнаго змѣя.
При каждомъ возрастѣ потѣха есть своя;—
Чему свидѣтели мы сами.
Въ то время змѣй,
При вѣтрѣ вырвавшись изъ рукъ дѣтей,
Паря подъ небесами,
Кометѣ возгласилъ: постой,
Узнай меня, я спутникъ твой,
Свѣтило,
Которое свой бѣгъ на небеса пустило.
Межъ тѣмъ какъ новая звѣзда
Гордилась;
Вдругъ нитка лопнула, бѣда!
Планета съ небеси въ болотѣ очутилась.
Кто случаемъ успѣлъ на высоту попасть,
Легко тому упасть.

Звѣздословъ и Старуха.

Однажды Астрономъ,
Дружася цѣлый вѣкъ съ планетами, звѣздами,
Со всемъ забылъ о томъ,
Что было у него передъ глазами;

Когда въ Эфиръ онъ духъ и взоръ свой пе-
ренесъ,
Старуха бѣдная о милости просила;
Но видя, что ничья не можетъ сила
Его свести съ небесъ,
Рукой толкнувъ — свое заговорила:
Превыспренній мудрецъ не мучь себя,
Труды твои напрасны.
Ты знай, что на землѣ, не на небѣ нещастны.
Для всѣхъ звѣзда блеститъ равно, какъ для
тебя;
Наука сострадать почтеннѣй всѣхъ иску-
ство. —
Погибни умъ, когда простынетъ чувство.

Колесы Часовые.

На лѣво колесо вѣртелося въ часахъ,
Направо напротивъ вѣртѣлося другое,
И усмотря нестройство въ томъ боль-
шое.
Кричитъ товарищу: въ различныхъ здѣсь
кругахъ
Вѣртясь, мой другъ, мы дѣлаемъ пустое.
А то въ отвѣтъ, спроси у мастера часовъ
О разности моихъ съ тобой круговъ;
Начальничьи храня уставы,
Мы оба правы;
Мы способы даемъ итти часамъ,
Какъ Фебъ на небесахъ размѣрилъ самъ,

Докажутъ ето,
Зима и лѣто.

Сапожникъ и Врачь.

Мы любимъ толковать, что общее всѣхъ мнѣнье,
Есть истины рѣченье.
Народный судъ всегдаль разуменъ, справедливъ?
Про ето басенка тотъ часъ покажетъ
И все сомнѣніе развяжетъ.
Сапожникъ нѣгдѣ былъ и трезвъ и нелѣнивъ,
Лишь въ ремеслѣ своемъ чрезмѣрно нещастливъ.
Пусть обувь могъ бы шить Китайцамъ тонконогимъ;
Гонимый рокомъ строгимъ,
Колодку бросилъ въ печь отъ множества досадъ,
И здѣлался врачемъ, — сталъ новой Иппократъ,
Получше стараго стократъ;,
Всегда и смершь и жизнь съ собою носитъ;
Горячку, параличь, какъ сѣно коситъ, —
Иное и больныхъ не такъ махнувъ рукой. —
За трудъ такой,
Хоть протянувъ ладонь онъ ихъ не проситъ,
Червонцы полились къ нему рѣкой.
Сапожникъ сталъ богатъ отъ глупости народной,

Сапожникъ былъ хорошъ, а врачь негодной.
Не рѣдко судятъ такъ тьмочисленны умы,
Къ Сапожнику всѣ были строги,
Ему сперва жалѣли ввѣрить ноги,
А послѣ жизнь свою ввѣряли мы.

Смерть, Красавица, Старикъ — Богачь и Мужикъ мудрецъ.

По свѣту бѣлому не сыта Смерть гуляла,
Различны возрасты косою истребляла,
Межь тѣмъ зашла къ Красавицѣ въ покой.
Красавица вздохнула,
Съ улыбкой робости взглянула,
И Смерть остановя рукой,
Сказала ей, когда успѣла нарядиться:
Едва я стала жить, я столько молода,
Плѣнять моя чреда;
Позволь утѣхами, любовью насладиться;
Тьмы жертвъ ты не скоси моею красотой;
Взгляни кого лицо мое не тронетъ,
Одинъ застрѣлится, другой потонетъ,
Иной изчахнетъ весь, кичась мечтой,
Плѣла доводовъ тьму. . . и наконецъ иной,
Страданіемъ вспаля духъ мой,
Достигнетъ щастія чрезъ вѣрность и чрезъ клятвы,
Дождись богатой жатвы;

Тогда я вся твоя, теперь, о Смерть! постой. —
Хотя богиня Смерть упряма, не сговорна,
На етотъ разъ случилася безспорна;
Къ сосѣду побрѣла; — сосѣдъ Старикъ богачь,
Съ зимой на головѣ, съ червонцами въ баулѣ,
Опрясь на костылѣ сидѣлъ на караулѣ,
Увидя Смерть, онъ поднялъ вопль и плачь,
Потомъ сказалъ: потребно время,
Сей жизни бросить бремя;
А какъ сей часъ и вдругъ,
Имѣнье учредить мнѣ надобно досуги.
Есть у меня родня, пріятели и други,
Я не хочу забыть ихъ милостей, услугъ;
Когдабъ тебѣ природа,
Дала бы вѣстника иль скорохода,
Тогдабъ я былъ готовъ.
Сказала Смерть ему сихъ послѣ словъ:
Ты видѣлъ у себя не разъ моихъ пословъ,
Какъ чувства ослабѣли,
Когда окрѣпнулъ слухъ, померкнулъ взоръ,
Вотъ Смерти вѣстники, вотъ приговоръ!
Невольникъ десять лѣтъ твоей постѣли,
Ты умеръ ужъ давно,
Ты живъ по памяти, не видишь, гдѣ окно,
А сроку требуешь, какъ молодой равно;

Добро изволь;—она къ Крестьянину приходитъ,
Гдѣ пятерыхъ дѣтей, жену его находитъ,
И въ сущей бѣдности онъ былъ кормилецъ всѣхъ,
Онъ барину, казнѣ платилъ на сроки, Оброки;
Сказать ли наконецъ,
Крестьянинъ былъ мудрецъ,
Мудрецъ по совѣсти, мудрецъ дѣлами,
Не изъ того числа, что славятся словами.
Увидя Смерть молчалъ,
И въ малодушіи другихъ изобличалъ. —
Мудрецъ всегда готовъ, не струситъ отъ похода,
Который всякому назначила природа.

Золото и Серебро.

Купецъ червонцами хотѣлъ свой долгъ отправить
Въ чужія области, а именно въ Бостонъ.
Хлопочетъ онъ
На почту золотомъ казну свою представить;
Тогда другой купецъ богатый серебромъ,
Ему рубли съ поклономъ предлагаетъ;
И серебро свое чрезмѣрно прославляетъ,
Товарищу твердитъ: подумай, братъ, о томъ,
Вить ето не бездѣлка,

Какое серебро, какой тутъ вѣсъ, отдѣлка!
Не хуже золота серебрецо мое. —
Что онъ ни говоритъ, другой все пѣлъ свое,
И заключилъ: съ тобой мнѣ спорить не до-
сужно,
Я золота ищу и золото мнѣ нужно. —
Бываетъ етотъ грѣхъ не у однихъ купцовъ,
Иные критики иныхъ пѣвцовъ,
Когда полюбятъ ихъ, не къ стати велича-
ютъ,
Простое серебро за золото щитаютъ. —
О тѣхъ судьяхъ и слова нѣтъ,
У коихъ мѣдь, свинецъ за золото идетъ.

Волкъ Политикъ и Волкъ Правдивый.

Давно, тому назадъ пять миліоновъ лѣтъ,
Войну вело для гибѣли и бѣдъ,
Со княжествомъ Волковъ, княженіе Мед-
вѣдей.
Не льзя безъ зависти, безъ ссоръ между
сосѣдей; —
А плодъ войны опустошенья, стонъ;
Но ни одна изъ двухъ воюющихъ сторонъ,
Нехочетъ униматься,
И перестать сражаться.
Палъ и Медвѣдей полкъ и полкъ Волковъ,
Какъ съ Марсомъ водится съ начала всѣхъ
вѣковъ,
А звѣри не трава; — но наконецъ державы

Рѣшилися, сосѣдни правы
Возстановить безъ околичныхъ словъ:
Какъ торгъ производить, какъ посылать
пословъ,
Хотѣли положить уставы;
Послы пріѣхали въ дремучій лѣсъ.
Въ Берлогѣ именно, не на границѣ
Назначенъ былъ Конгресъ,
Медвѣжья Княжества въ столицѣ;
Шепнулъ соотчичамъ волчистый Мазаринъ
Опасно всѣмъ открыть, не безъ причинъ,
Для царства нашего мою полезну тайну;
Назначьте одного, ктобъ ни былъ онъ та-
ковъ,
Сказать ему готовъ
Высоку мысль черезвычайну.
Благочестивый Волкъ — случился межъ Вол-
ковъ, —
Въ семьѣ не безъ урода, —
Который получа довѣренность народа,
Лишь замыслъ выслушалъ, собранью далъ
отвѣтъ:
Медвѣжью Княжеству, вы знайте, много
бѣдъ
Его совѣтъ приноситъ.
Для насъ полезенъ онъ, но только насъ по-
носитъ;
Совѣтъ затѣйника, чтобы со всѣхъ сторонъ,
Зажечь убѣжище Медвѣдей,

И задушить въ огнѣ упорливыхъ сосѣдей.
Политики! должна вамъ совѣсть быть за-
конъ,
Безъ ней сокровища и хитрыя ухватки,
Преобращаются въ воздушные лишь замки.

Лиса и Медвѣдь.

Когда злодѣйствуемъ, себѣ мы яму роемъ. —
Мы въ новой басенкѣ о томъ откроемъ,
Не выставя ни Карпа, ни Петра,
Простые выбираю Лицы,
Скажу исторію Медвѣдя и Лисицы.
Лисица выросла у знатнаго двора;
Но у какова?
У Львова.
Желала лишь себѣ одной добра,
Какъ водится въ дворахъ, Медвѣдя не лю-
била;
Пустилась на него всечастно клеветать,
И явно поносить и на ухо шептать;
И столько удалось хитрицѣ лепѣтать,
Что наконецъ Медвѣдя погубила;
Левъ царь издалъ указъ,
Прогнать Медвѣдя съ глазъ;
Лисицѣ мало то — опять хлопочетъ:
На свѣта дальній край заслать Медвѣдя
хочетъ;
Тогда ей царь сказалъ:
Цари быть праведны должны, не строги,

Не спорю по винѣ Медвѣдя наказалъ;
Но гдѣ Медвѣдю жить, а въ ссылкѣ нѣтъ
берлоги.
Лиса была штукарь,
И говоритъ Царю: о кроткій мудрый Царь!
Медвѣдю славному великому герою,
Берлогу теплую, покойную устрою;
Гдѣ спальней быть, и гдѣ гостиной начерчу;
Пріютецъ маленькой его врачу.
Лиса все скоро учредила,
Еще скорѣй туда Медвѣдя отпустила.
Но тотъ не родился, кто выдастъ кален-
дарь,
Когда морозъ, ненастье, жаръ
У каждаго двора бываетъ.
Тамъ барометръ всегда играетъ;—
Всѣ вѣдаютъ о томъ.
Случилось то съ Лисой чрезъ полгода
не болѣ,
Медвѣдя вызвали гулять изъ ссылки въ полѣ;
Лисицу заключить велѣли въ етотъ домъ,
Которой строила она съ такимъ трудомъ.

Орелъ и Сорока.

Орелъ простря крылѣ широки
Леталъ;
Орлиный глазъ на небеса высоки,
На дно морей всечасно обращалъ.
Какъ Царь трудился много,

Свирѣпыхъ коршуновъ казнилъ онъ строго,
Усталъ,
И сѣлъ на дубъ. Сорока тамъ сидѣла,
На утомленнаго Орла глядѣла,
И понесла молоть: пускай пернатыхъ царь,
Орелъ, — ты жалкая на свѣтѣ тварь;
Когда бы мнѣ въ удѣлъ досталось цар-
ство,
Я показала бы свое на тронѣ барство,
Я сталабъ сладко пить и ѣсть.
Пиры, бесѣды, шумъ царю приносятъ честь;
Я вѣчнобъ не летала,
И только бы всечасно лепѣтала,
Гдѣ новый пересудъ, иль нова вѣсть.
Орелъ сказалъ: съ тобой охотнобъ согла-
сился;
Когдабъ на свѣтъ Сорокой я родился.

Комета и Неподвижная Звѣзда.

Мы самолюбію напрасно вѣримъ,
Мы всѣ достоинства своимъ аршиномъ мѣ-
римъ. —
На неподвижимой оси блиставъ,
Звѣзда спѣсивая пути млечнаго,
Блюдя назначенный изъ давнихъ лѣтъ
уставъ,
За непремѣнное щитала благо,
Вѣкъ цѣлый средь небесъ висѣть,
Вися, лучемъ блистательнымъ горѣть.

Увидя нѣкогда комету,
Смѣется странствію текущу свѣту,
И говоритъ; сидѣть изъ вѣка по домамъ,
Указъ всѣмъ намъ,
Указъ природы строгой:
Не льзя свѣтить звѣздѣ дорогой;
Однако средь небесъ,
Близь храмины громовъ, гдѣ самъ живетъ Зевесъ,
Комета пролетала,
И пламеннымъ хвостомъ,
Лучей источники метала,
А на конецъ звѣздѣ сказала:
Звѣзда! и я и ты,
Ты неподвижная, а я съ крылами,
Въ природѣ обѣ мы; — ея руками,
Намъ разныя даны и образъ и черты.

Оракулъ.

Одинъ Архонтъ примѣтамъ глупымъ вѣрилъ;
Онъ долго жить хотѣлъ,
Сны, предсказанія, какъ лучь святыни, мѣрилъ;
Гдѣ слухъ о капищѣ, туда летѣлъ,
И наконецъ свой путь въ Дельфійскій храмъ направилъ,
Лишь Пифонису Фебъ тамъ въ древности прославилъ.
Она сказала такъ, понятнымъ языкомъ:

Коль хочешь отвратить свой путь ко смерти блиской
И жить сто лѣтъ, построй скорѣе домъ,
И назови Дельфійскій.
Архонтъ трусливый мой
Спѣшитъ домой,
Толкуетъ про себя: избѣгну смерти, грома,
На счетъ народный я и два построю дома.
Онъ сыплетъ деньгами, и домъ растетъ.
Чрезъ мало времени, онъ домъ построилъ;
Ужъ домъ готовъ. — Архонтъ свой робкій духъ спокоилъ,
На новосельѣ онъ, и въ домѣ онъ живетъ;
Архонту етотъ домъ три милліона стоилъ,
Лишь было нѣкогда ему о томъ тужить.
Сего дня перешелъ, престалъ назавтра жить.
Пророчицѣ не вѣрьте Феба,
Не можетъ расказать она всѣ тайны неба.

Фонари и Звѣзды.

Въ Столичномъ городѣ горѣли Фонари,
И стали хвастаться: смотри,
Какъ освѣщаемъ;
Что Звѣзды на небѣ, мы тоже здѣсь.
Паденію каретъ и грабежу мѣшаемъ;
А гдѣ насъ нѣтъ,
Во мракѣ тонетъ свѣтъ.
Не споримъ о Лунѣ, но Звѣзды всѣ напрасно.

Они не свѣтятъ ясно,
Свѣча изъ комнаты въ отвѣтъ
Сказала Фонарямъ: конечно!
Какъ Звѣзды, такъ и мы, когда темно,
Горимъ и свѣтъ даемъ равно;
Но свѣтъ нашъ временной, а тѣ сіяютъ вѣчно.

Два Друга и Пословица.

Два Друга десять лѣтъ согласно жили,
И вмѣстѣ басенки читать любили,
Не рѣдко о пѣвцахъ, и слогѣ ихъ судили.
Однажды заведя о вкусѣ разговоръ,
Въ большой вступили споръ;
Тотъ Лафонтена превозноситъ,
Тотъ первенства для Федра проситъ,
А въ заключеніе другъ другу колкихъ словъ,
И поѣдинокъ былъ готовъ.
Посредникъ двухъ друзей отъ ссоры избавляетъ,
Пословицей простою вразумляетъ:
Цвѣты намъ должно собирать,
Въ цвѣтахъ нѣтъ нужды выбирать. —

Птицы Законоположители.

Задумалъ Птичій родъ вновь сдѣлать уложенье;
Тогда отъ всѣхъ сторонъ,

Вдругъ птицы собрались дѣлъ знатныхъ
въ уваженье,
Хотѣли издавать законъ.
Разумныя разумно предлагали;
А птицы крикуны ихъ толкъ опровергали,
Вороны каркали: на что Орлы
И Соколы?
Тутъ Коршунъ говоритъ: всѣмъ птицамъ,
какъ угодно,
Извольте учреждать законъ свободно;
Но лишь не льзя — ни толковать законъ,
Ни къ дѣлу допущать Воронъ.

Указъ длинной и короткой.

Красиво написать Афиняне умѣютъ;
Но дара исполнять законовъ не имѣютъ.
Тамъ выдали указъ или законъ, —
О чемъ не знаю, —
Но только утверждаю,
Не сручень былъ торговлѣ Спарты онъ.
Посолъ его къ Ликургу въ мигъ отправилъ,
И всѣ невыгоды для странъ своихъ пред-
ставилъ.
Ликурговъ былъ отвѣтъ: пиши указъ. Какой,
Короткой иль большой? —
Когда онъ въ пять листовъ, пускай и чистъ
и ясенъ,
Ни мало не опасенъ;
Но основателенъ твой страхъ,

Когда къ несчастію указъ тотъ въ трехъ
строкахъ.

Рысь и Кротъ.

Случается Кроты изъ норки выбѣгаютъ,
И звѣздъ сіяніе и Солнца лучь ругаютъ;
Рысь быстроглазая однажды вечеркомъ
Съ Кротомъ
Вступила въ разговоры:
Какъ жалко то, что слѣпы взоры
У милаго Крота;
Тебѣ вселенная быть кажется пуста:
Не видишь солнца блескъ, не знаешь ты,
что краски. —
А Кротъ въ отвѣтъ: хочу имѣть покой,
На что мнѣ знать на небѣ свѣтъ какой?
Оставь свои пожалуй сказки,
Мнѣ нуженъ ротъ,
А не глаза, — безъ нихъ я Кротъ.
Невѣжды Егоисты,
Забывъ отечество, разсудка голосъ чистый,
Беспечность полюбя,
Живутъ на свѣтѣ для себя.

Щука и Карась.

Свирѣпа туча набѣжала
И люто поражала;
Не только на земли, всѣ жители воды,
Ждутъ крайнія бѣды;

Но Щука злобная дремать не хочетъ,
Примѣтя Карася, схватить его хлопочетъ,
Толкуетъ, что бѣжать пора:
Я въ родѣ рыбъ большая вамъ сестра,
Притомъ добра;
За жизнь твою я Карасямъ порука;
И продолжаетъ Щука,
Ты спрятаться ко мнѣ пожалуй въ домъ.
Ударилъ громъ; —
Карась отъ той тревоги,
Бежитъ къ спасителю въ чертоги.
Но что? Громовая стрѣла
Ни мало Карасю не причинила зла;
Разкрыла Щука ротъ и рыбку пожрала. —
Готовъ оклѣветать злодѣй,
Для прибыли своей,
Верховной святость власти,
И малодушному устроить ковъ напасти.

Тигръ и Лисица.

Случился нѣгдѣ Тигръ трудолюбивый,
А болѣе всего примѣрно справедливый,
Вѣкъ виноватый былъ предъ Тигромъ виноватъ,
Слизнетъ ли овцу Волкъ, Лисицаль что спроказитъ,
То есть, въ курятникъ слазитъ,
Все Тигру вѣдомо; а Тигръ богатъ,
Съ подарками ему ни кто не братъ.

Самъ Левъ, чтобъ наградить усердіе такое,
Далъ Тигру отъ себя сокровище большое.
Всѣ звѣри за угломъ,
Судить пустилися о томъ.
Всѣхъ Тигра болѣе Лиса поноситъ,
И выгоды себѣ подобной проситъ,
Всѣмъ громко говоритъ: не столько Тигръ правдивъ,
Сколь онъ, повѣрьте мнѣ, щастливъ. —
Не рѣдко мы подобно разсуждаемъ,
Достоинство и трудъ мы счастьемъ называемъ. —
Намъ вспомнить надобно про Лафонтеновъ стихъ,
Чтобъ не считать всему Фортуну здѣсь виною; —
Фортуна не даритъ сокровищей своихъ,
Но продаетъ всегда ихъ дорогой цѣною.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ КНИГИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано	Читай.
Въ заглавномъ листѣ	
Въ Санктпетербургъ	Въ Санктпетербургѣ.
1 Книги.	
стран: строк:	
5. — 13. Что любятъ горячо Дельфины насъ.	Что горячо Дельфины любятъ насъ.
6. — 13. уроду.	Уроду,
— — 13. древосѣкъ	дровосѣкъ
— — 28. прекращаетъ	прекращаетъ;
11. — 11. убираться	убираться.
15. — 9. Маслиновка	Малиновка
— — 26. Муравеи,	Муравей,
19. — 19. мой.	мой
28. — 10. приятнѣи	приятнѣй
31. — 14. заключеніе	заключенье
33. — 28. чаи	чай
36. — 7. Мурарей	Муравей
40. — 4. слсатей	сластей
41. — 6. оставтій	оставшій
43. — 28. поплелас.	поплелась.
45. — 5. полночку	полночну
47. — 26. тогду	тогда
48. — 2. сохранишь	сохранить
— — 14. яйцо	яицо
2 Книги.	
2. — 2. писателя	списателя
3. — 22. пресмыскаться	пресмыкаться —

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано			Читай.
стран:	строк:		
8.	— 19.	въ неи	въ ней
11.	— 5.	твой	твой.
13.	— 22.	пустынникъ	пустынникъ
16.	— 18.	совѣтъ.	совѣтъ,
19.	— 4.	галяли,	гуляли,
21.	— 22.	Она съ дождемъ; а дождь увлажа нивы, Озолотитъ всѣ здѣшнія поля;	Озолотитъ всѣ здѣшнія поля; Она съ дождемъ; а дождь увлажа нивы,
21.	— 12.	пенты	ленты
—	— 15.	быть	жить
22.	— 17.	камомъ	какомъ
—	— 21.	говоритъ	говорилъ:
36.	— 28.	цвѣтики	цвѣтники
38.	— 12.	маленькой	миленькой
40.	— 6.	Петребно	Потребно
41.	— 9.	потокъ.	потопъ.
3 Книги.			
2.	— 26.	гругую	другую
9.	— 27.	лѣсуль или	лѣсуль иль
11.	— 10.	къ вёдру	въ ведро
24.	— 7.	прилѣжносшь	прилѣжность
25.	— 13.	подагдѣ	подагрѣ
27.	— 13.	украженъ	украшенъ
31.	— 19.	жсстокъ	жестокъ

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано			Читай.
стран:	строк:		
35. —	24.	прилѣжно.	прилѣжно,
38. —	9.	лазять	лазать
40. —	19.	покисился	покосился
— —	25.	кормъ.	кормъ и дань.
4 Книги.			
11. —	9.	Увы! Лиса	Увы Лиса!
12. —	12.	впереди,	впереди.
15. —	1.	кости	когти
23. —	1.	взорь	взоръ
— —	16.	вѣртелось	вѣтрѣлось
— —	19.	большое.	большое,
24. —	20.	стократъ;,	стократъ;
25. —	9.	не сыта	несыта
31. —	8.	спальней	спальнѣ
33. —	3.	и говоритъ;	и говоритъ:
38. —	11.	Бежитъ	Бѣжитъ

35p

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Chvostov, Dmitrij I.

Izbrannyja pritči, iz lučšich sočinitelej, stichami

Sanktpeterburg 1816

P.o.russ. 88 w
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610180-0